БАСНИ
Господина Ге.

Съ Англинскаго на Французской, а съ сего на Россійской языкъ переведенныя.

ЧАСТЬ II.

Ce champ là ne se peut tellement moissoner,
Que les derniers venus n'y trouvent à glaner.

La Fontaine.

Всѣхъ классовъ вдругъ не льзя съ сей нивы
(намъ пожать.
Еще останется послѣднимъ что собрать.

Ла Фонтенъ.

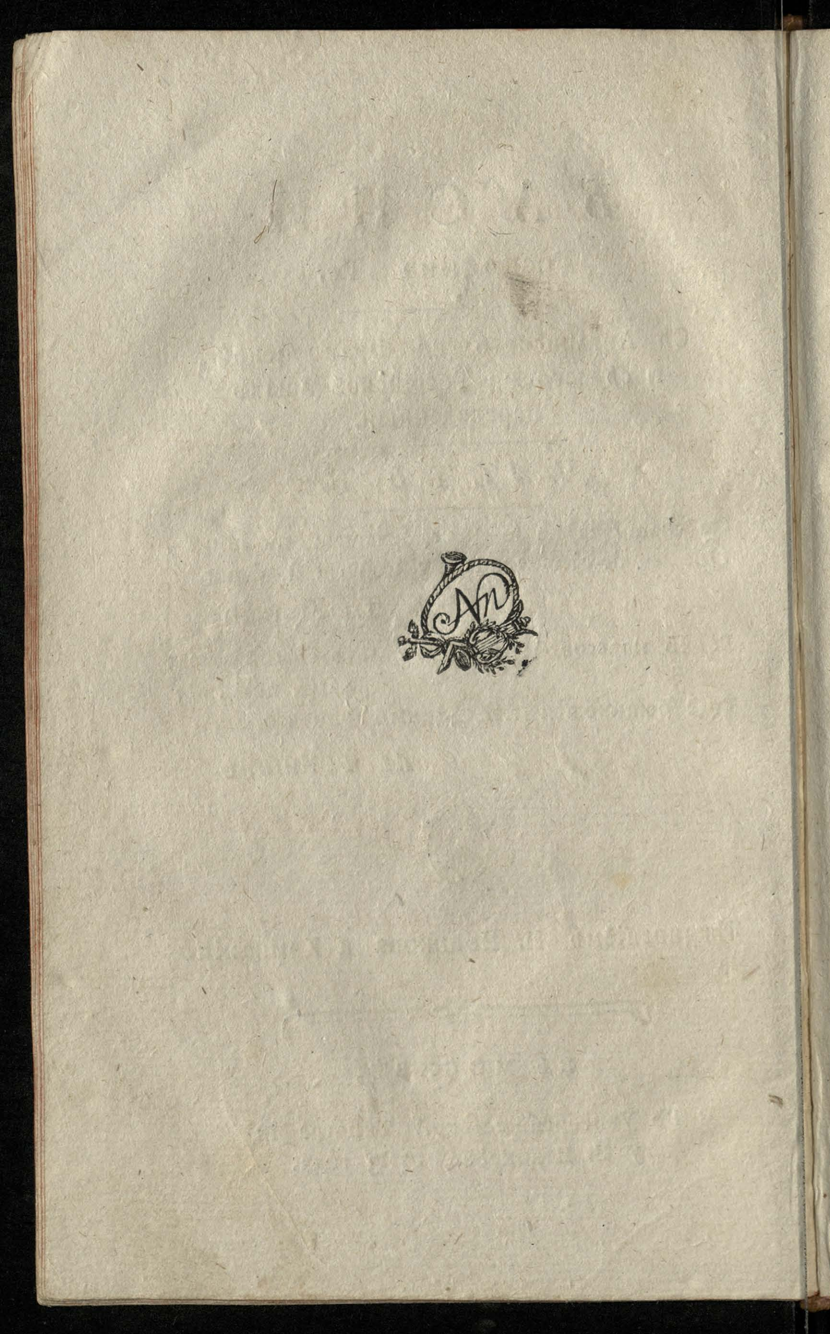

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1783 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ко

Второй Части.

Х 10.

БАСНИ
Господина Ге.

БАСНЬ I.
Собака и лисица.

КЪ статскому человѣку.

Знаю я, что вы можете переворачивать мысли и слова по своей волѣ; а еще болѣе извѣстно мнѣ то, что наука ваша дѣлаетъ у васъ языкъ столь гибкимъ, что вы безъ затрудненія преклоняетесь къ желаніямъ своихъ кліентовъ, и что задатки, вамъ даемые, склоняютъ васъ или на ту, или на другую сторону. Читая какое нибудь весьма ясное дѣло, взираете на него двоякимъ окомъ, и утверждаете вы присяжные Скептики, будто всякое въ ономъ выраженіе сомнительно. Такимъ-то образомъ набогащается су-

дебное мѣсто, и нѣтъ ни одного челобитья, которое бы не защищалось краснорѣчіемъ. Жатва ваша была бы не вел , когдабъ каждой свободно могъ предлагать свои права; но кто дерзнетъ, не заплатя вамъ сперва, внесть акты свои, наполненные для большей прибыли Готическими (*) выраженіями? совершенно удостовѣряющія насъ истинны законовъ, на которыя лишь только взглянетъ знающей человѣкъ, то тотчасъ усмотритъ ихъ недѣйствительность и пустоту.

Когда разсматриваете вы волю завѣщателя, тогда премудрое ваше истолкованіе приноравливаетъ ее къ собственной вашей волѣ; и вы читаете съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ сыскать въ нихъ то, что никому, кромѣ васъ, въ голову не приходило. Дѣла трактуются образомъ, se defendendo, я публично отзываюсь противъ всѣхъ ложныхъ вашихъ innuendo.

Когда разумный Порта описываетъ намъ каждаго звѣря, каждую птицу

(*) Въ Англіи всѣ Акты писаны Готическими буквами.

цу въ различныхъ ихъ образахъ, то голова, глазъ, расположеніе носа, даетъ намъ способъ различать сову отъ обезьяны. Естьлижъ сходнымъ образомъ одно изъ моихъ изображеній, приведетъ вамъ на память какого нибудь вашего пріятеля, то взираете вы тотчасъ на оное, и пріискиваете ему толкованіе; вы найдете его точной сколокъ, и сія мнимая копія столь сходна, что весь свѣтъ, увидя ее, захохочетъ, и вскричитъ: это точно онъ. Я, подражая Порту, всѣ мои описанія заимствую отъ самой природы, и такъ скажите мнѣ, кѣмъ изъ насъ, мною, или вами, введена Сатира?

Государь мой! пощадите труды ваши, и не возражайте мои сочиненія. Злорѣчіе кажется мнѣ гнуснымъ; я не сужу никого въ свѣтѣ, я ненавижу привязанности къ партіямъ и къ предразсужденіямъ. Нѣтъ, государь мой, чтобы вы ни говорили, я не пишу никогда поносительныхъ пасквилевъ.

Не уже ли долженъ я въ басняхъ моихъ прекратить войну съ порокомъ,

для того только, что бездѣльникъ имѣетъ весьма нѣжное и чувствительное ухо? И такъ по етому должно уже намъ воздерживаться отъ чтенія десяти заповѣдей, опасаясь, чтобы преступники, слыша ихъ, не испугались. Естьли я моими общими воображеніями острамилъ порокъ, то скажите мнѣ, мною ли сдѣлано онаго истолкованіе, или внутреннимъ признаніемъ, которое каждой о самомъ себѣ имѣетъ? Звѣри занимаютъ содержаніе моихъ твореній: долженъ ли я быть за то обвиняемъ, что часто человѣкъ съ моральной стороны съ ними сходенъ. Я не даю ни одному человѣку имя осла, ни обезьяны, но онъ самъ внутри совѣсти своей находитъ начертанное свое названіе. Я не составляю писаній въ смыслѣ особеннаго озлобленія; естьлижъ кто на оныя жалуется, то конечно вѣдаетъ онъ, что самъ то заслужилъ.

Одна, худо знающая въ выборѣ своихъ забавъ, пастухова собака, познакомилась со многими животными, и сдѣлалась имъ пріятельницею, а короче всѣхъ была она съ лисицею, которой частыя посѣщенія весьма ее обязывали.

Въ нѣкоторой день подруга ея говорила ей: очень несправедливо люди пріобыкли насъ поносить. Безъ сомнѣнія легко сыскиваются, можетъ быть, межъ нами, межъ собаками, или когда вамъ угодно, и между человѣками, бездѣльники; однакожъ въ числѣ сихъ послѣднихъ, хотя они намъ и не извѣстны найдутся и искренныя и честныя сердца. Люди хотятъ увѣрить лисицъ, что мы превосходимъ ихъ въ плутовствѣ и хитростяхъ. Пускай будутъ они въ томъ правы, или виноваты, разсматривай, прошу тебя, поступки и дѣла мои. Истиный другъ не можетъ ослѣпиться никакимъ предразсужденіемъ: въ прочемъ искренность моя тебѣ извѣстна, и я увѣряю, что честь дороже мнѣ жизни моей.

Собака, полагаясь на витійственныя сіи рѣчи, ни мало не подозрѣвала лисицу, и почитала сердце другини своей чище безоблачнаго неба.

Въ одно время сія послѣдняя, разглагольствуя о честности и совѣсти, вдругъ прервала рѣчь свою, и прилажа

 уши,

уши, поджала хвостъ, и вскричала: ахъ! что я слышу? не уже ли это собаки? что это за гамъ на большей дорогѣ?

Успокойся пожалуй, отвѣчала собака; нѣтъ для тебя ни малѣйшей опасности, ты напрасно пужаешься. Нынѣ торговой день въ сосѣднемъ городѣ, и это какая нибудь крестьянка проѣзжаетъ оттуда. Такъ точно, я не ошибаюсь, это госпожа Оббейнъ съ своею живностью; я узнала ее по пѣгой этой кобылѣ.

Лисица отвѣтствовала съ язвительнымъ видомъ: я не ожидала такихъ отъ тебя насмѣшекъ; мысли твои написаны на глазахъ твоихъ. Пожалуй мнѣ скажи, какое сходство имѣю я съ твоею госпожею Оббейнъ? Не ужъ ли ты думаешь, что я разхитила ея курятникъ? Докажи, подлинно ли должна я ей за ея обѣдъ.

Пріятельница, возразила ей собака! я никакъ не намѣрена оскорбить тебя; отъ чего происходитъ сіе подозрѣніе и сей гнѣвъ, пожалуй прими сло-

ва мои въ собственномъ ихъ смыслѣ, ты увидишь, что я тебя ни мало не обижаю. Сколько могла я тебя разсмотрѣть, примѣтила я, что ты такъ невинна, какъ молоденькой кроткой барашикъ.

Послѣ сихъ словъ лисица свирѣпѣетъ, бранитъ, ругаетъ, клянетъ, и произноситъ такія рѣчи, которыя остерегалась она до тѣхъ поръ выпускать. Что говоришь ты, негодная плутовка, объ барашкѣ? сіи безстыдныя укоризны показываютъ мнѣ точно твое со мною обращеніе. Естьли хозяинъ твой въ прошедшую ночь потерялъ трехъ ягнятъ, то должна ли я платить ему за сію кражу? Мерзкими своими разсужденіями хочешь ты сдѣлать меня виноватою, но ты лжешь напрасно.

Ты мошенница и дура, вскричала собака; сими обеими именами могу я тебя называть, ты ихъ справедливо стоишь. Смыслъ, которой ты даешь рѣчамъ моимъ, ясно открываетъ твои преступленія, и сей вопль не отъ ина-

го чего происходитъ, какъ отъ угнѣтенія твоей совѣсти. Сказавъ сіе, кинулась она на лисицу, и задавила сію плутовку, изобличенную собственными своими ропщаніями.

БАСНЬ II.

Ястребъ, воробей и другія птицы.

Прежде нежели зачну писать басню мою, долженъ я сказать, что всѣ Министры великой Британіи исполнены милосердія и премудрости: и такъ какое бы сравненіе злые люди ни дѣлали, мало трогаетъ меня ихъ коварство.

Когда покажется, что я говорю о вельможахъ съ строгою вольностію, то объявляю, что никакъ не намѣренъ я язвить нашихъ. Естьли нравоученія мои, нечаянно сплѣтенныя, покажутся уподобленіемъ кому нибудь изъ нихъ, и они тѣмъ раздражатся, то и сіе еще ни мало меня не тронетъ; они сами знаютъ для чего. Любя животъ, никакъ не касаюсь я государственныхъ

дѣлъ,

дѣлъ, а впрочемъ и самъ Махіавель тщетной употребилъ бы трудъ испытать нынѣшніе наши проекты: ни мало не присвояю я себѣ чести въ охужденіи оныхъ, и признаюсь всеуниженно, что они превосходятъ мой разумъ.

Самой младшей изъ братьевъ твоихъ, говоришь ты, не имѣетъ мѣста; прочіе меньшіе братья находятся въ такомъ же состояніи. Ты прибавляешь, что замышляетъ онъ принять придворную службу, и хочетъ скучать о семъ друзьямъ своимъ: естьли онъ столько щастливъ будетъ, чтобы узнать тамо истиннаго отечеству сына, откровеннаго и искреннаго человѣка, коего постоянная добродѣтель доказала, что онъ справедливо пріобрѣлъ довѣренность народа и Государя, то можетъ онъ прильпнуть къ нему, и почитать себѣ въ честь быть ему одолженнымъ за свое щастіе.

Ты мнѣ говоришь, что онъ знаетъ много, имѣетъ разумъ, честность и довольныя къ дѣламъ дарованія: сіи таланты мало ему послужатъ, естьли

не обрящетъ онъ ихъ и въ покровителѣ своемъ.

Мнѣ удалось слышать, что нѣкогда (Боже сохрани насъ отъ подобныхъ нещастій; мы еще не столь развращены, чтобъ заслуживали ихъ ниспосланіе) злые Министры обманывали своихъ Государей, попирали народъ, преступали законы, и противоборствовал самому небу. Сказываютъ, что они, съ напыщеніемъ *окружая* тронъ, единственно старались о своихъ прибыткахъ. Тогда добродѣтель, лишенная почести, стенала; дворъ сихъ Царей состоялъ изъ людей, пріобыкшихъ къ хищенію: такое качество давало способность снискивать ихъ любовь. И такъ не имѣлъ ли правитель сихъ подлыхъ невольниковъ испорченные нравы? Честь наперсника его присвоялъ себѣ тотъ, кто всѣхъ лучше умѣлъ пронырствовать въ любовныхъ дѣлахъ, и дверь въ чертоги его для льстецовъ всегда была разверста: они, осыпая его тьмочисленными хвалами, сугубо обманывали, находя чрезъ то удобство терзать враговъ своихъ, обезоруживать

своими казнями угрызѣніе стыда и гласѣ совѣсти. Когда корысіполюбныя предпріятія ласкали его алчность, то тысячи изобрѣтателей явились подавать вѣ томѣ вспоможеніе; подлые сводчики пріобрѣтали довѣренность, предлагая различныя умоначертанія, назначающія грабежи для будущаго года: и совѣсть должна была всегда покорствовать волѣ; всѣ подавали голоса вѣ такомѣ дѣлѣ, коего совсѣмѣ не знали; повергали и смѣшивали все; а кѣ погубленію невинности довольно было одного только слабаго подозрѣнія.

Любимцы не долго пользовались своимѣ щастіемѣ, и часто перемѣнялись; добрые и мудрые царедворцы, во время сихѣ нещастій, Англію удручающихѣ, не имѣя довольныхѣ и крѣпкихѣ основаній, всегда готовы были кѣ перемѣнамѣ. Бездѣльникѣ, похищающій власть, держалѣ при себѣ таковыхѣ же рабовѣ. (Боже сохрани отѣ сего мое отечество!) Разбойникѣ безѣ оружія вредить не можетѣ.

Когдабѣ случилось мнѣ увидѣть таковыхѣ чудовищѣ, утучняющихся кро-

кровію народа, и тщеславящихся мерзскими своими грабительствами, то ни богатство ихъ, ни знатность, не возбудили бы во мнѣ зависти; ненависть всего народа преисполнялабъ меня отчаяніемъ. Въ то время, когда ихъ твари восходятъ мрачными кривизнами лжи и плутовства, вопію я къ тебѣ, всесильный Боже! моля, да даруешь мнѣ низкое состояніе и миръ душевный: я отметаю мзду и преимущества, а беру въ удѣлъ себѣ едину дражайшую честность. Да прочтутъ эту басню, и разсудятъ, что заслуживаютъ сіи законопреступныя скопищи; пусть прилѣпляется къ нимъ, кто хочетъ.

Нѣкогда (нынѣшнее время не порицаю я, но похваляю) хищный, пронырливый, пріобыкшій къ кровопролитію и безстыдный ястребъ, приближася въ нещастную минуту къ трону, достигъ тихими шагами до вышней степени. Онъ предложилъ Монарху свои услуги, съ намѣреніемъ раздѣлять съ нимъ тяжкіе труды народоначалія. Орелъ на сіе согласился, и въ краткое вре-

время по надменному виду хищника, узнали о знатности полученнаго имъ чина.

Вдругъ окружаетъ его толпище птицъ, и каждая изъ оныхъ воображаетъ, что требованія ее суть справедливѣйшія. Одна проситъ чина, другая пенсіи; но онъ, не внемля прозьбамъ ихъ, извлекаетъ однихъ друзей своихъ изъ всей кучи, даетъ имъ чины, а прочихъ прогоняетъ.

Мѣсто соловья дано было молодому копчику. Сія птаха, говорилъ Министръ, исполнена разума и проворства: съ хитростію ея соединяется кротость и безстыдство. Она смѣла, вольна, и всюду станетъ помогать мнѣ въ моихъ предпріятіяхъ.

Соколъ, исполненный почтеніемъ къ сему начальнику, выхвалялъ образъ его и качества. Тысячи мздоимныхъ пѣтуховъ слѣдовали за нимъ въ должности тѣлохранителей: вороны были прогнаны, а на ихъ мѣста вступили сороки.

Всѣ

Всѣ сіи мрачныя злопредвѣщательницы мнѣ противны, сказалъ ястребъ; будучи вѣчными примѣчателями, предсказываютъ они предгрядущее, и прозорливость ихъ опрокидываетъ хитро сплѣтенныя лжи. Кто хочетъ быть моимъ другомъ, тотъ не долженъ ни о чемъ размышлять, слѣпо слѣдовать моимъ повелѣніямъ, повторять мои слова, и соглашаться во всемъ съ моею волею.

Увы, вскричалъ воробей! до тѣхъ поръ, пока сіи бездѣльники останутся въ первыхъ чинахъ, не буду я требовать ни милости, ни награжденія, ни мѣста; защищеніе ихъ наноситъ безчестіе и стыдъ. Я поживу благополучно подъ застрехою скудной хижины, наслаждаясь спокойствіемъ душевнымъ, яко такимъ благомъ, которое имъ совсѣмъ не извѣстно.

БАСНЬ

БАСНЬ III.

Большая обезьяна и курятникъ.

Придворному, обѣгающему по утрамъ передніе вельможъ.

Часто отдаемъ мы наше почтеніе наружной блистательности. Благородіе, богатство и власть получаютъ всегда какъ низкость, такъ и подлыя наши изгибательства. Должно признаться, что сіи достоинства заслуживаютъ уваженіе, но единая добродѣтель дѣлаетъ цѣну ихъ справедливою.

Мы склонны взирать на знатность пристрастнымъ окомъ, и легко вѣримъ, что Милордъ........ противъ предковъ своихъ имѣетъ добродѣтели выше многими градусами. Онѣ ни мало не сомнительны; мы обрѣтаемъ ихъ, одобряемы публичными росписьми; но не уже ли Милордъ . . . . превосходитъ своихъ родоначальниковъ? Когда снаружи разсматриваемъ мы богача, то блистаніе его весьма ослѣпляетъ; ибо злато имѣетъ силу ча-

сто дѣлать добро, вездѣ, гдѣ его мы видимъ, заключаемъ, что оно сіе точно производитъ, какъ будто бы власть имѣла конечное свойство склонять волю къ полезному; но не видали ли мы цѣлые народы, обожавшіе своихъ грабителей.

Разсмотри пристальнѣе свиту пресмыкающихся богачей: конечно въ другомъ мѣстѣ не увидишь ты такихъ подлыхъ льстецовъ: съ какою опрометчивостію и съ какою гибкостію они раболѣпствуютъ! къ коликимъ злодѣйствамъ душа ихъ уготовляется! превозносясь низостью своею, почитаютъ они ласкательство за самомалѣйшее преступленіе. Какую жертву, какое обоженіе не подносили они всюды, и всякимъ вельможамъ! щогда весь Лондонъ бѣжалъ толпами, желая ускорить къ возстающимъ отъ сна Министрамъ, къ тѣмъ самымъ Министрамъ, кои угнѣтали государство, коихъ дѣянія заслуживали единое презрѣніе и ненависть, которые однакожъ имѣли своихъ ласкателей, превозносившихъ похвалами ихъ предпріятія, гораздо гнуснѣйшія тѣхъ

снови-

сновидѣній, кои раждаются отъ безумныхъ восторговъ. Жестокій Молохъ повелѣлъ проливать кровь младенческую; но сіи лживые политическіе боги требовали закланія цѣлыхъ народовъ.

Обрати взоръ твой на древніе дворы Царей; увидишь, что власть, въ нихъ обитавшая, была идоломъ человѣковъ, и что она обожалась ими подъ различными изображеніями: левъ, обезьяна и лисица попремѣнно пользовались служеніемъ наемныхъ рабовъ, низкихъ въ нещастіяхъ и напыщенныхъ въ изобиліи.

Праведное небо! возможно ли, чтобъ чины возбуждали въ нихъ гордость? О! сколь прелюбочестіе ихъ слабо, и тщеславіе ихъ безумно! любимцы случая имѣютъ непостоянный жребій, и могущество ихъ питается единымъ подуваніемъ ласкателей. Они, подобясь мыльнымъ пузырямъ пускаемымъ младенцами, чѣмъ больше надмѣваются, тѣмъ паче ускоряютъ свое уничтоженіе, и лопнувъ оставляютъ по себѣ токмо однѣ подлыя слезы.

Нѣкоторая дѣвица, отъ времени и страстей лишенная красоты, ища чѣмъ нибудь заняться и утѣшиться, вздумала выкармливать птицъ и разныхъ животныхъ. Она имѣла собакъ, обезьянъ и попугаевъ, составляющихъ забаву ея и сообщество.

Одна большаго роду обезьяна, во всемъ почти подобная человѣку, какъ ростомъ, такъ и образомъ, болѣе прочихъ пользовалась ея милостію; она хватала все, что ей ни попадалось, и крала лучше всякаго проворнаго слуги. Разумъ ея и дарованія побудили госпожу думать, что она великую имѣетъ способность къ важнымъ дѣламъ. Таковое достоинство дѣлало мартышку весьма годною къ достиженію великаго чина: и такъ поручила ей госпожа смотрѣніе за всемъ птичьимъ дворомъ. Должность сія состояла въ томъ, чтобъ дважды каждой день его осматривать, и давать кормъ.

При первомъ свѣтѣ восходящей зари гладъ пробуждалъ всѣхъ пернатыхъ: индѣйки, павлины, утки и цыпля-

платы, прибѣгая тѣснились у дверей сего новаго Министра, дабы воздать ему поклоненіе. Онъ является, и всѣ предъ нимъ изгибаются: однѣ выхваляютъ его лице и станъ, другія превозносятъ природныя въ немъ дарованія и исполненный величества взоръ; однимъ словомъ, ласкательство разверзаетъ ихъ зѣвы, а Министръ слушаетъ оное съ подобною человѣческой увѣренностію. Льстя самолюбію изъясняютъ онѣ чувства свои.

Естьли бы въ прежніе вѣки имѣли справедливость, то какая бы приходила прибыль отъ важнаго мѣста? Обыкновеніе тогдашняго времени вельможъ и казначеевъ было такое чтобъ пріуготовить себѣ спокойное и богатое убѣжище. И такъ обезьяна наша начала, какъ совершенный ихъ подражатель, замышлять о своихъ выгодахъ.

Близь сего птичника жила торговка плодовъ, коея лавка въ цѣлый годъ оными была наполнена: мартышка, приходя къ ней всякой день, пожирала ихъ до пресыщенія, и забирала оныхъ столь-

ко, чтобы запасть себѣ цѣлой закромъ; она уговорилась съ продающею, что заплата за забранное выдастся ей житомъ.

Вскорѣ весь хлѣбъ былъ издержанъ, а отчету никакого въ томъ не дано. Оголодавшія птицы зачали разсматривать и подозрѣвать: примѣченное воровство доказано справедливо: обезьяна принуждена была все то, что ни забрала, возвратить; и хотя имѣла она чинъ перваго Министра, однакожъ была наказана, прикована и отъ перваго своего состоянія соблюла одну токмо гордость.

Вѣ нѣкоторой день увидѣла она проходящаго мимо ея тюрьмы гуся, котораго помнила еще привязанность къ себѣ и утреннія посѣщенія. Какъ, вскричала она, не отдавать мнѣ ни малѣйшаго почтенія, и не сдѣлать мнѣ поклона! ей ей животныя сіи весьма неучтивы: бездѣльникъ! не прошло еще двухъ дней, какъ ты разстилался предомною гораздо ниже всѣхъ моихъ льстецовъ.

Безум-

Безумная горделивица! отвѣчалъ ей гусь! признаюсь, я тебѣ ласкалъ, но вѣдай, что одно токмо жито привлекало насъ къ тебѣ съ утренними визитами; изъ сей одной причины бродилъ я за голодными твоими придверниками, и платилъ тебѣ за твой хлѣбъ пустыми противоистиннами; но тогда, какъ и теперь, мы тебя презирали, а почитали одинъ только чинъ твой.

БАСНЬ IV.

Мурашей въ чину.

Другу.

И такъ опасаетесь вы, чтобъ стихи мои не были оскорбительны тѣмъ людямъ, кои имѣютъ нѣжные слухи, и разумно заключаете, что не долженъ я порицать пороки Британическаго двора нашего; хотя сіе справедливо, что въ твореніяхъ моихъ ни этотъ, ни тотъ не называются именами, однакожъ не могу я оставить ихъ безъ изъясненія.

Вы еще меня вопрошаете, зналъ ли я когда нибудь о томъ, что прид-

ворные наши священники избрали путь сей къ достиженію Епископскаго сана. Ахъ! клянусь вамъ, я не хочу говорить ни о штатскихъ людяхъ, ни о Министрѣ. Причемъ признаюсь искренно, что стихотворцы, отъ всѣхъ хвалимые, всегда заражены бывали ласкательствомъ; они, зная тонкость слуха вышнихъ вельможъ, всегда стараются умащать пороки своихъ покровителей; но я гнушаюсь сею удобно проложенною стезею, и знатность не есть предметъ моего любочестія; естьли для оной должна Муза моя претерпѣть срамное униженіе, то я отъ ней отвергаюсь.

Нѣтъ у меня намѣренія ни порицать, ни ласкательствовать, а желалъ бы, чтобъ злодѣяніе, въ какомъ бы родѣ преступника ни было, всегда получало наказаніе. Я знаю, что раздирая тотъ покровъ, коимъ развращеніе облекается, возбуждаю на себя непріязненность сердецъ ему порабощенныхъ; мнѣ это весьма извѣстно, но трогаетъ ли оно меня хоть мало? гнушаюсь я сими мерзостію полными сердцами; да будетъ единая добродѣтель моимъ жребі-

емъ,

емъ, а имъ да останутся долею постыдные тѣ таланты, коими они превозносятся. Не заграбляю я ничьего чужаго, но преслѣдую безчиніе и пагубную мзду его: оно никакъ не причинило бы ни какого нещастія, когдабъ возмогъ я изторгнуть его съ самымъ корнемъ.

Я знаю, что сіе покушеніе для тысячи политиковъ было бы ужаснѣйшею казнію, ихъ могущество тѣмъ бы ограничилось, богатство ихъ вступилобъ въ предѣлы, и дарованія бы ихъ лишились глубокомысленнаго своего вида. Естьлибъ отнять у нихъ пристойныя имъ орудія, то какъ могли бы они управлять своими рабами? но положимъ, что сіе уже учинилось, и разсмотримъ, какія ужасные бѣдствія моглибъ произойти на времена будущія. Правда, государство сдѣлалось бы отъ того цвѣтущимъ; но напыщенные частные люди имѣли бы у себя меньше дорогихъ камней и серебреныхъ столовыхъ приборовъ. Цари награждали бы истинныхъ друзей своихъ; но министры лишились бы тѣмъ большей своей

 знат-

знатности; льстецы и пролазы не умножали бы уже годовыхъ податей. Можетъ статься, также, что лишася сей подпоры, каждый годъ изчезалобъ одно, или два изъ ихъ предпріятій. А что бы послѣдовало съ надмѣніемъ, когдабъ уничтожились пансіоны? государство не былобъ подвержено ни какимъ бѣдствіямъ и убыткамъ, что бы были тогда министры?

Нѣтъ мнѣ до того нужды, какимъ бы образомъ каждой Агличанинъ ни толковалъ мои нравоученія, я желаю только блага моимъ соотечественнымъ, и болѣе ничего. Пусть, кто какъ хочетъ, порицаетъ вольность мою, но желаю, чтобъ каждый придворный мыслилъ такъ, какъ я. Хотя многіе бездѣльники отъ сего погибнутъ, лишатся дневнаго пропитанія, но отечество мое желалъ бы я видѣть безъ долговъ. Я не полагэю частнаго честолюбія и блага общественнаго на однѣ вѣсы, и дабы не видѣть законы наши въ забвеніи, подалъ бы я голосъ мой лишенному милости Министру. Язвлю я всякіе пороки, какіе бъ они ни были; естьли пороч-

порочные за то досадуютъ, что мнѣ до того нужды! Не уже ли не можно говорить съ напряженіемъ о развратителяхъ и о ихъ свойствахъ? Извѣстенъ ли тебѣ какой законъ, которой поставлялъ бы сіе за преступленіе?

Не злословлю я, ни ненавижу, не хочу сдѣлаться судьею ближняго, и ищу токмо укорять порокъ, а не порочныхъ. Не уже ли не могу я возражать вредное употребленіе общенародной довѣренности, для того что преступникамъ не пріятно слышать о своей несправедливости? Всѣ тѣ, коихъ отчеты чисты и ясны, сами требуютъ имъ разсмотренія, и того, чтобъ вѣрность ихъ изнесена была на среду: они не ищутъ въ темнотѣ производить свои дѣянія; будучи правы во всемъ, желаютъ они за таковыхъ между всѣми быть признаны.

Вы заключаете, что басни мои весьма ясное имѣютъ сходство съ дѣлами двора нашего. Признаюсь, онѣ на него похожи; но развѣ ему позволяется все безъ всякаго уваженія?

 Моло-

Молодой надменной муравей вмѣшивался во всякія гражданскія дѣла, ни мало ихъ не понимая; будучи весьма безуменъ, неумолкаемо болталъ, принимая на себя при каждомъ случаѣ видъ во всемъ всесвѣдущаго. Ища знатныхъ чиновъ, постепенно достигъ онъ до того, что склонилъ къ себѣ слухъ вельможъ, и наконецъ сдѣлался казначеемъ при общенародномъ житѣ.

Но законы премудраго сего правительства жестоко наказуютъ злоупотребленіе общественной довѣренности, ими повелѣвается (дабы отъ плутней не могло приключиться голода), чтобъ всѣ щеты, представленные отъ казначея, были ясны; а для отвращенія безпорядка разсматриваются они съ точностію отъ нарочныхъ, къ тому опредѣленныхъ аудиторовъ.

Назначенъ день для сего разсмотренія; аудиторы собрались, казначей, будучи принужденъ явиться къ суду, принесъ нѣсколько мараныхъ бумагъ, желая тѣмъ вывернуться.

Одинъ муравей, ревностной согражданинъ, имѣя искренность и любовь къ благу, говорилъ при томъ слѣдующее:

Какъ могли расточать наше сокровище, и кто сей дерзновенной? Доходы общества мнѣ извѣстны: что же могло причинить столь великія издержки? гдѣ щеты казначея? Сей отвѣтствовалъ ему съ природною горделивостію такими словами:

Разсудите, милостивые Милорды, естьли бы государственныя тайности были обнажены, то тогдабъ самыя полезнѣйшія предначинанія превратились въ бѣдоносныя слѣдствія. Открывъ таковыя важныя думы, обнажилибъ мы грудь нашу предъ мечемъ вражіимъ. Испытанная моя должность и мое усердіе повелѣваютъ мнѣ скрывать нынѣшнія наши предпріятія; но я клянусь честію моею, что всѣ сіи издержки хотя и чрезвычайны, однако другаго предмета, кромѣ защищенія республики въ себѣ не имѣли.

Судьи, бывъ довольны его рѣчами, разсмотрѣли щеты, и остались къ казначею своему съ совершенною довѣренностію.

Годъ еще прошелъ, и запасныя кладовыя нашлись совсѣмъ опустѣвшими; казначей въ томъ далъ отчетъ слѣдующими словами:

Разсмотрите прилѣжно состояніе государства нашего и угрожающія намъ опасности, воззрите, милостивые Милорды, какія многочисленныя войски Индѣйскихъ пѣтуховъ отъ всѣхъ сторонъ на насъ сбираются.

Нѣтъ ни одной крестьянки, котораябъ не имѣла ихъ цѣлаго гнѣзда. Помыслите, что, будучи угрожаемы такимъ ужаснымъ нападеніемъ, принуждены мы великою цѣною покупать точныя свѣдѣнія о движеніи нашихъ непріятелей. Открой только одну тайность, и весь народъ погибнетъ! заклинаюсь, хотя росходы сіи и многочисленны, но они другой цели, кромѣ благоденствія отечества, не имѣютъ.

А-

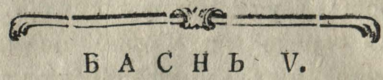
Аудиторы паки отпустили его, не считая записокъ, и превозносили похвалами мудрое сіе правленіе.

Прошелъ уже и третій годъ, анбары были чисто на чисто подметены. Жито изъ оныхъ употреблено на скрытые росходы, и честность казначеева долженствовала паки дать отчетъ въ своихъ поступкахъ.

Но вдругъ нѣкто изъ присутствующихъ, устыдясь, сказалъ: что мы такое? орудіе бездѣлничества, не большіе плуты и большіе глупцы. Сей великой обманщикъ, обольщая насъ, грабитъ общія житницы: но за всякое зерно, которое онъ намъ давалъ, выворачивалъ по тысячѣ, хотя одного ста довольно было бы для него и для всѣхъ насъ. И такъ за подлые и мѣлкіе подарки облыгаемъ мы себя и цѣлый нашъ народъ; ибо всѣ сіи казначеи, которыхъ намъ опредѣляютъ, суть хищники годовыхъ трудовъ и заботъ нашихъ.

Судьи дали повелѣніе, чтобъ представленные щеты съ строгостію разсмо-

смотрѣть. Проворный тать былъ тотчасъ уличенъ, осужденъ и сокровищи его по справедливости возвращены въ общественное хранилище.

БАСНЬ V.

Медвѣдь въ кораблѣ.

Самохвалу.

Человѣкъ, учащійся безпристрастію, долженъ день отъ дня успѣвать въ премудрости, онъ вѣситъ предпріятія свои вѣрною рукою, и единый разумъ утверждаетъ зданіе его надежды: онъ испытываетъ силы свои прежде вступленія въ подвигъ, и никогда не бываетъ подверженъ остыжденію отъ глупости; онъ не отдаляется отъ береговъ, не извѣдавъ парусовъ и компаса; онъ еще прежде начатія строенія утверждаетъ онаго укрѣпленіе; и никогда не предается во власть безразсудныхъ предпріятій; вникаетъ и познаетъ рубежи человѣческаго разума, и преходитъ по онымъ вѣрными шагами, имѣя познаніе о собственныхъ своихъ несовершенствахъ, покоряетъ онъ суетныя движенія, кои гордость вперяетъ въ душу его.

Когда

Когда, побуждаемы желанiемъ къ познанiю самихъ себя, разсматриваемъ мы человѣка со всѣхъ его сторонъ, то не трудно дознаемъ, что изъ всѣхъ безумцовъ, тщеславiемъ напыщаемыхъ, самохвалы заслуживаютъ преимущество.

Они находятся всякаго достоинства и всякаго рода. Страсть сiя особенно не относится ни къ какому полу, ни къ возрасту, но богатой и бѣдной великой и малой, словомъ, всѣ люди ей порабощены; всѣ они ослѣпляются тщеславiемъ, порокомъ рожденнымъ отъ невѣжества, которой ни гдѣ такъ не размножается, какъ въ самыхъ пустѣйшихъ головахъ. Взвѣсь всѣ ихъ дѣянiя, ты найдешь ихъ весьма тяжелыми, но они со всемъ своимъ грузомъ противъ разумныхъ произведенiй являются такъ легки, какъ перо.

Однакожъ безумiе въ самохвалахъ бываетъ не одинаково: каждой изъ нихъ стремится къ разнымъ достоинствамъ. Одни весьма упиваются любовнымъ тщеславiемъ; другiе, плѣнясь чрезвычайно своимъ зракомъ, находятъ славу

славу въ нарядахъ; прочіе же имѣютъ у себя учебную и великую библіотеку: они совершенно знающи въ книгахъ, и умѣютъ управлять своимъ поведеніемъ.

Но всѣ сіи роды самохвальства не могутъ сравняться съ родомъ любочестивцовъ; они, бывъ напыщенными ласкательствомъ, безстыдно присвояютъ себѣ государственное благосостояніе. Получаемыя ими похвалы не почитаются пристрастными, и коль бы они намащенны и пышны ни были, имъ еще не полными кажутся, тогда, когда ихъ Сикофанты (*) признаются имъ, что всѣ ихъ рѣчи грубосплѣтенное пронырство плутовства.

Сего рода самохвалъ весьма скоро открывается во всякомъ чинѣ и во всякомъ состояніи. Политикъ, надмѣнный гордостію, учреждаетъ оныя и исправляетъ. Понесла ли торговля какой нибудь чрезвычайной ущербъ: то искусство его старается оной наградить;

(*) Сіе слово Греческое и значитъ клеветника, и доносителя.

дитъ; онъ хватается за кормило и управляетъ нашими флотами. Будучи искуснымъ плавателемъ, и не подлежа никакой критикѣ, могъ бы онъ естьлибъ восхотѣлъ, предводительствовать морскими нашими силами. Сіе еще не все; онъ также великій воинъ и искусный полководецъ. Онъ повелѣваетъ чинить наборы и умножать подати. Будучи искуснымъ Министромъ, пріучаетъ онъ посланниковъ къ тѣмъ ролямъ, кои желаетъ, чтобъ они выдерживали для крѣпчайшаго сплетенія глупыхъ его договоровъ. Но чтожъ изъ сего слѣдуетъ? Онъ принужденъ для сокрытія безумства своего истощавать всѣ годовыя подати; вздорныя его предпріятія сокрушаются, а многихъ милліоновъ едва достаетъ за нихъ въ заплату. Невѣжество дѣлаетъ его безстрашнымъ: полагаясь совершенно на самаго себя, заводитъ онъ цѣлый народъ въ другія ужасныя пучины; вмѣсто того, чтобъ примѣчать свое незнаніе, ослѣпляется онъ заблужденіями; наконецъ, падая изъ пропасти въ пропасть, и не имѣя никакой помощи, ропщетъ онъ на щастіе, и на непредвидимыя имъ зло-

злоключенія. Но опасаясь, чтобѣ не сдѣлали съ моими рѣчами худаго сравненія, намѣренъ я разсказать слѣдующую басню:

Нѣкоторый медвѣдь, коего поступки столькожъ казались грубы, какъ и кожа, будучи однакожъ весьма искусенъ въ карабканіи на самыя высокія древа, воровалъ весьма проворно, обманывая свою собратію. Гордясь своимъ плутовствомъ, набогащался онъ трудами и заботами ближняго.

Сіе дарованіе толико его надмевало, что никакое предпріятіе не казалось ему превосходящимъ его разумъ; имѣя даръ всезнанія, обладалъ онъ всѣми науками и художествами: гордъ, тщеславенъ, занятъ дѣлами, утороплѣнъ, съ слабымъ своимъ высокоуміемъ никогда не былъ подверженъ критикѣ! Онъ прибралъ себѣ общниковъ, и былъ единогласно почитаемъ за законодавца сихъ лѣсовъ.

Прочіе звѣри, восхищаясь его знаніемъ, почитали его диковиною и выродрод-

родкомъ изъ всего медвѣжьяго рода. Когда случалось находить имъ добычу, то завсегда призывали его ее раздѣлять, и онъ умѣлъ выщечить себѣ часть и изъ самаго малаго цыпленка.

Восходя по степенямъ, требовалъ заплаты за искусство свое въ мясничествѣ, наконецъ преисполня мѣру свою, желалъ онъ при всякомъ дѣлѣ присутствовать. Сей истуканъ могъ по мнѣнію своему обманывать самыхъ лучшихъ собакъ и превышать лисицъ въ ихъ хитрости и пронырствѣ. Въ одно время, прогуливаясь по морскому берегу, увидѣлъ онъ снабженное веслами, парусами и рулемъ судно, колеблющееся на якорѣ, и обратясь къ своей свитѣ, говорилъ съ довольнымъ видомъ сіи слова: о сколь не знающи люди во всѣхъ наукахъ и художествахъ! какъ мнѣ кажутся смѣшны ихъ училища и педантство! къ чему служатъ компасы ихъ и правила? Безполезныя пустельги! увидите, какъ я могу управлять симъ кормиломъ, да и сами человѣки, узрѣвъ меня въ семъ подвигѣ, познаютъ свое неискусство. Сказавъ

сіе, плыветъ онъ къ судну и дерзновенно на него вскарабкивается. Удивленныя животныя, стекшіяся на сіе позорище, покрываютъ весь берегъ. Медвѣдь поднимаетъ якорь и пускается въ волны, парусъ рвется на всѣ стороны; судно, не имѣя равновѣсія, наклоняется, воды въ него льются отвсюды, вѣтръ кидаетъ его во всѣ стороны, веслы преломляются и кормило отпадаетъ. Медвѣдь, еще полагаясь на знаніе свое, спѣшитъ и бѣгаетъ съ кормы на носъ; но наконецъ, сѣвши на мель, разбивается. Рыбы, видя кормщика въ толикомъ изступленіи, ругаются ему и осмѣхаютъ; самые снятки хохочутъ надъ его тщеславіемъ. Мореходецъ прибѣгаетъ, крича, браня, угрожая, хватаетъ глупаго медвѣдя, бьетъ, оковываетъ и извлекаетъ на берегъ; а насмѣшки оглашаются во всѣхъ окрестностяхъ.

БАСНЬ VI.

Дворянинъ съ своею собакою.

Сельскому жителю.

Человѣкъ искренняго и простаго сердца гнушается двоемысліемъ, и никогда не уклоняется ко лжѣ, не стараясь укрывать тайныя свои помышленія. Тщетно нападаютъ на него злодѣи; тщетно зависть свирѣпствуетъ и ярится злорѣчіе; добродѣтель служитъ ему вмѣсто Егида; всѣ ядовитыя стрѣлы оной поражающія притупляются и вспять отлетаютъ. Дѣянія его блистаютъ лучезарнымъ сіяніемъ непорочности, являя невинность и правоту души его. Когда вѣщаетъ посреди совѣта о благѣ своего отечества, и когда соглашаетъ раздѣленныя мнѣнія спосажденныхъ, будучи ни мздопреклоненъ, ни подлъ, отважно изъявляетъ свои мнѣнія: презрѣніе вельможъ ему не опасно; духъ его подобенъ неисчерпаемому кладезю добродѣтелей.

Но дабы быть вЪ числѢ таковыхЪ политиковЪ, которые судятЪ безЪ разбора, надобно умѢть молчать кЪ статѢ, а вЪ случаѢ нужды пресѢкать гласЪ самаго разума. Скажите пожалуйте, какой Лондонской вельможа могЪ бы вѢчно сохранить кЪ себѢ довѢренность, естьли бы всѢ преданные мнѢ изгнаны были изЪ Двора Царскаго? Естьли бы истинна свободно достигала до престола, то какЪ бы могли Министры сЪ успѢхомЪ исполнять свои прихоти? БылЪ ли бы имЪ способЪ воздымать изЪ *бренія* подлыхЪ своихЪ невольниковЪ, и удобноль бы было имЪ отдалять добродѢтельныхЪ своихЪ друзей?

Кто умѢетЪ лгать по вкусу политики, власть того чрезвычайна и щастіе совершенно. ПосредствомЪ сего дарованія употребляетЪ онЪ вЪ пользу свою и самихЪ обладателей престола. ТакимЪ-то образомЪ древніе Политики обманывали своихЪ Государей, отдаляли отЪ нихЪ вѢрныхЪ и истинныхЪ друзей, и удовлетворяя сребролюбивыя свои склонности, обогащались паденіемЪ республики.

Въ нѣкоторой день неустрашимый Антіохъ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ звѣроловства, далеко отсталъ отъ своихъ придворныхъ; ища дороги, проѣзжалъ онъ многіе лѣса, и обширную долину, а не обрѣтая никакой стези, остановился онъ при убогой хижинѣ. Земледѣлецъ, именемъ Пароъ, будучи хозяинъ оной, предложилъ гостю своему все, что ни имѣлъ лучшаго, а незнакомый былъ весьма доволенъ деревенскою сею трапезою. Они свободно разговаривая о разныхъ обстоятельствахъ, склонили рѣчь къ Дворамъ и Государямъ; вино дѣлаетъ всѣхъ искренними. Естьли бы крестьяне, сказалъ хлѣбопашецъ, смѣли говорить съ нашимъ Монархомъ, то конечно открылись бы очи его! Ахъ, естьлибъ онъ самъ правилъ дѣлами! онъ имѣетъ доброе сердце, и весьма желая учинить насъ благополучными, конечно достигъ бы до сего, когдабъ свѣдомо было ему наше бѣдственное убожество. Естьли бы правда могла жить при Дворахъ, то ни Цари, ни народъ не были бы обмануты. Дай Боже, чтобы всѣ хотѣнія нашего Государя были исполнены! тогда бы не

 опа-

опасались мы никакихъ нещастій. Но онъ вручаетъ скипетръ окружающимъ его придворнымъ и вѣряетъ имъ правленіе; а они помышляютъ и рачатъ только о собственной своей корысти. Однакожъ и самый справедливѣйшій человѣкъ можетъ казаться не правосуднымъ, когда полагается онъ на мздоимцовъ. Тогда отъ престола до хижины злоупотребленіе распростирается, и всѣ терпятъ; недостойные рабы затмѣваютъ свѣтлое имя своихъ владыкъ. Увы, естьли бы добрый нашъ Государь зналъ столько же, сколько мы! . . . . Тутъ прервалъ онъ разговоръ, и оба какъ хозяинъ, такъ и гость, пошли къ отдохновенію. Крестьянинъ спалъ, а Царь погружался въ размышленія.

Придворные извѣстились на разсвѣтѣ, гдѣ находится Государь ихъ: приближеніе тѣлохранителей встревожило Парѳа; ибо онъ въ первый еще разъ видѣлъ въ хижинѣ своей одежды, златомъ и драгоцѣнными каменьями блистающія. Царю поднесли вѣнецъ и пурпуровую хламиду, а потомъ всѣ ницъ предъ нимъ пали. Тогда Антіохъ пове-

повелѣлъ представить себѣ земледѣльца, и изъявилъ ему благодареніе знаменитымъ подаркомъ. Потомъ, обратясь къ уклоняющимся предъ собою ласкателямъ, сказалъ имъ: занимаясь собственною своею пользою, ввели вы гнусными вашими похлѣбствами въ заблужденіе вашего Государя, которой, бывъ принужденъ укрытся подъ симъ бѣднымъ кровомъ, нашелъ здѣсь истинну. Нынѣ *бѣги* отъ меня сборище развращенное, бѣги далече отъ лица моего; теперь-то познаю я самъ себя, и научаюсь познавать васъ.

То же самое случалось и съ нашими Государями: какъ скоро слухъ ихъ занимался постороннимъ, то потребенъ былъ весьма недальней умъ, чтобъ не допустить къ нимъ вопля народнаго; а между тѣмъ преданные ихъ любимцы грабили нагло и безстыдно. Вскорѣ беззаконные ихъ шаги, болѣе укрѣпляясь, становились явными. Толикократно воспламеняли они Монарховъ своихъ, сколько требовали тогдашнія ихъ намѣренія и корысти. И въ то время, когда общество угнѣталось, прельщенные

ные Государи мнили, что оно облегчается и процвѣтаетъ.

Сіи злодѣи не могли бы инако, какъ съ содроганіемъ говорить, естьли бы стонъ народа проникалъ до ушей Государскихъ. Когда бы правосудіе могло обнажить ихъ ухищреніи, то не дерзнули бы они чернить простую и чистую невинность: они бы ограничились такими тѣсными предѣлами, что не моглибъ по волѣ своей мѣшать праваго съ виноватымъ. О, сколь благополучныбъ были Цари, когда бы знали они истинныхъ своихъ друзей, столькожъ, сколько извѣстны они народу! тогда не подвергались бы они волѣ чуждей. Естьлибъ можно было имъ слышать и видѣть, то сколько нашлось бы бездѣльниковъ, лишенныхъ званія согражданина! но тогда бы (жестокое обстоятельство) ограничились ихъ хищенія.

Сіи хитрые политики, долгое время терзая общество, наконецъ становятся предметомъ общенародной ненависти; всѣ ихъ скудельныя подпоры вдругъ сокрушаются, а свѣтозарная истин-

истинна во всемъ своемъ блистаніи открываетъ всѣ ихъ преступленія; и сила лучей ея разгоняетъ мракъ беззаконія.

Одинъ сельской дворянинъ, страннаго нрава, не любилъ настоящихъ борзыхъ собакъ; онъ никогда не выкармливалъ ни одной изъ нихъ и не ласкалъ, но пристрастенъ былъ къ злобному меделянскому псу, которой своими плутнями, прочихъ отъ него отгонялъ. Япъ имѣлъ всю его довѣренность, и сохранялъ оную клеветами. Имѣлась ли въ домѣ семъ нужда въ служителяхъ? Друзья Яповы были предпочтенны, и дворъ господской наполненъ былъ сотоварищами пса сего:

Но дабы болѣе сыскать удачи въ своихъ предпріятіяхъ, вздумалъ онъ отлучить всѣхъ друзей своего хозяина. Сія злая собака кидалась на всѣхъ приходящихъ, выключая тѣхъ, кои ея ласкали, и тѣхъ, коихъ дѣло и лице было ей знакомо. Что же касается до честныхъ людей, то никого изъ нихъ она не пущала. Япъ гонялся за

всѣми подданными своего хозяина, безпрестанно опасаясь, чтобъ истинна не нашла входа въ домъ его: естьли какой незнакомецъ къ оному приближался, то меделянъ кидался ему подъ ноги. Будучи неистовъ, завистливъ и подлъ, огрызался онъ на всѣхъ, кусалъ и убѣгалъ прочь; стоя издалека лаялъ ощетинившись и обнажалъ тѣмъ внутренній свой ужасъ. Кто знаетъ? Можетъ быть истинна вкрадется сюда подъ какимъ нибудь посторонимъ видомъ, дабы расторгнуть хитросплѣтенныя мои лжи; естьли войдетъ она подъ сими личинами, то я на вѣкъ пропалъ.

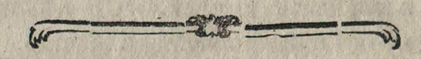
Безпрерывнымъ его лаемъ слова приходящихъ людей заглушались; наконецъ, опасаясь честныхъ людей, вопилъ онъ изъ всей силы.

Но нещастная его минута приближилась: мимо дому того бѣжала сука, къ которой воспаленный любовію Япъ, забылся и влекомый страстію, оставилъ стражу свою и пожертвовалъ нѣжности драгоцѣннѣйшею своею минутою;

тою; а слабость сія учинила его погибель. Господинъ, избавившись ревностныхъ его воплей, покойно увидѣлся съ однимъ изъ своихъ сосѣдей: скажите мнѣ откровенно, говорилъ онъ ему, откройте мнѣ ваше сердце, я люблю искреннихъ и вѣрныхъ друзей. Съ нѣкотораго времени примѣтилъ я, что подданные мои меня убѣгаютъ, но истинно причины тому не знаю. Скажите мнѣ, я васъ прошу, чѣмъ могъ я ихъ оскорбить, и чрезъ что потерялъ я любовь ихъ.

Должно прогнать вамъ собаку вашу, сказалъ ему его пріятель, она ничего болѣе въ цѣлые дни не дѣлаетъ, какъ только брешетъ вамъ ложь. Она, будучи дерзка и злобна, оскорбляетъ и отдаляетъ всѣхъ вашихъ пріятелей. Прекрати ея безчинство, и ты обрящешь прежнюю отъ всѣхъ любовь. Но естьли станешь еще слушать ее, то завсегда будетъ она утверждать, что мы твои враги: однако повѣрь мнѣ, мнѣ, которой говоритъ тебѣ правду, не тебя, но сію мерзскую тварь мы ненавидимъ.

Япѣ вошелѣ при окончанiи сей рѣчи. Сила огласилась его визгомѣ, но тщетно; истинна явилась и обнажила его коварство: она получила мзду свою, а бездѣльникѣ изгнанѣ былѣ палочными ударами.

БАСНЬ VII.

Юпитерѣ и земледѣлѣ.

Ге кѣ самому себѣ.

Ге, обрати взорѣ свой и прилѣжно разсмотри все тебя окружающее: имѣешь ли ты такого искреннѣйшаго друга, и столько же тобою предѣубѣжденнаго, какѣ ты самѣ? Твои недостатки, столь видимые отѣ всѣхѣ, никогда не поражали другаго тебя. Когда дхновенiе фортуны разрушило воздушныя твои зданiя, упрекалѣ ли онѣ тебя, унижалѣ ли и приключалѣ ли тебѣ ужасѣ, выговаривалѣ ли тебѣ твои недостатки?

Естьли не внемлющее моленiя твоего щастiе содержитѣ тебя вѣ униженiй,

нїй, то сїе не должно казаться тебѣ страннымъ. Вникни обстоятельнѣе въ поступки прочихъ людей; не уже ли будешь ты столъ несправедливъ, чтобъ возжелать въ одно время и богатства и добродѣтели? Неужто ты при твоемъ случаѣ подобно прочимъ пресмыкался; а хотя и доведенъ былъ къ тому необходимостїю, однако забылъ ли истинну, честь, добродѣтель и спокойствїе душевное? Естьлижъ ты къ сему неспособенъ, то отрѣкись фортуны, пиши, будь премудръ и будь бѣденъ.

Оцѣни справедливо дары сей прелюбодѣйки: что можетъ составить твое благополучїе? Естьли оно получалось златомъ, то было бы мздою лжи и бездѣльства; но чемъ болѣе возрастаютъ сокровища сребролюбиваго, тѣмъ паче умножаются его муки. Представь одну минуту, (что однако никогда не можетъ быть) представь, что щастїе награждаетъ тебя всѣми своими дарами; будешь ли ты тѣмъ благополучнѣе? ты живешь мирно и спокойно, и такъ можетъ ли оно что нибудь лучшее тебѣ доставить?

Положимъ, что ты богатый наслѣдникъ, изобилуешь великими доходами, наслаждаешся всѣми утѣхами и нетревожишся никакою заботою: не уже ли изъ всѣхъ смертныхъ одинъ ты тотъ, коего нравы, при перемѣнѣ состоянія и щастія, останутся не растлѣнны? Статься можетъ, что, сдѣлавшись надмѣру расточительнымъ, захочешь ты украшаться блистаніемъ суетности, тогда не можно тебѣ будетъ пробавится безъ псовой охоты, безъ лошадей, безъ богатаго стола, безъ многочисленныхъ слугъ, безъ серебра: великія издержки сдѣлаютъ долги твои не оплатимыми; игрою будешь ты расточать доходы цѣлаго государства; довѣренность твоя упадаетъ, и тысяща безжалостныхъ заимодавцовъ принудятъ тебя остатокъ дней своихъ страдать въ темницѣ.

Вообрази еще, что ты имѣешь величайшее могущество; но можетъ ли оно хотя на одинъ часъ удалить отъ тебя задумчивость? положимъ, что позволено тебѣ насыщать корыстолюбивыя свои прихоти; положимъ, что

ты

ты можешь ослѣплять своего Государя и утѣснять народъ; положимъ что тебя каждодневно прихлѣбатели твои нянчатъ нѣжными ласкательствами; скажи, совсѣмъ тѣмъ способно ли будетъ сердце твое ощущать хотя одно сладкое и чистое чувствованіе? нѣтъ; великія преступленія дѣлаютъ тебя совсѣмъ безчувственнымъ. Естьли стремишся ты къ благополучію, я говорю о внутреннемъ и истинномъ, то его можно обрѣсть всюды какъ при Дворѣ, въ чертогахъ, такъ въ шатрахъ и въ бѣдныхъ хижинахъ; оно можетъ обитать во всѣхъ сихъ мѣстахъ; всякой довольной разумъ онымъ владѣетъ.

Утомленный трудами земледѣлецъ отдыхалъ подъ сѣнію развесистаго вяза. Милосердый Боже! говорилъ онъ, сколь горестно мнѣ отъ года въ годъ влещи тяжкое бремя сей жизни! едва только начинаетъ являться день, работа меня возбуждаетъ; въ потѣ лица достаю я грубое мое пропитаніе и съ каждыми сутками усугубляется мѣра моего злополучія!

Великій Юпитеръ, слыша сіе, выговаривалъ ему за роптаніе его тако: неправедная жалоба меня оскорбляетъ; престань сѣтовать и яви мнѣ нужды свои. Ты обвиняешь судьбу пристрастіемъ; научи меня, что можетъ сдѣлать жребій твой блаженнымъ, разсмотри собственнымъ своимъ окомъ всѣ состоянія смертныхъ, чего желаешь ты? чѣмъ хочешь быть?

Послѣ сихъ изреченій отца боговъ, оратай мгновенно подъятый на облака, увидѣлъ весь человѣческій родъ, его труды и непрестанныя заботы. Зри, сказалъ Юпитеръ, человѣка сего, сѣдящаго предъ сими наполненными златомъ влагалищами; съ какимъ восхищеніемъ онъ его щитаетъ; онъ нынѣшній день всею сею грудою пріумножилъ свое сокровище! Ахъ, естьлибъ я былъ на его мѣстѣ, возопилъ пахарь, то могъ ли бы еще чего требовать? Научись, отвѣтствовало божество, различать истинное благо отъ ложнаго, которое имѣетъ одну токмо блестящую наружность; возьми сіе зерцало. Земледѣлецъ, принявъ его, съ ужасомъ видитъ въ немъ сердце сего

зла-

златолюбца подобно беспрестанно обуреваемому морю; онъ зритъ на лицѣ его всѣ тѣ ужасы, которые причиняютъ ему размышленія о будущемъ; видитъ воспоминаніе прежнихъ грабительствъ, терзающее трепещущую его грудь, которая не согрѣвалась никогда ни единымъ лучемъ блаженства. Отринь моленіе мое, вскричалъ крестьянинъ, сохрани меня, великій Боже! отъ подобныхъ угрызеній. Я содрагаюсь, видя судьбу сего нещастнаго; соблюди меня въ низкомъ моемъ состояніи!

Обрати взоръ твой, сказалъ ему громодержецъ, на сію блистающую толпу и виждь сего кичливаго и смѣющагося вельможу. Увы! сказалъ простодушный человѣкъ, какимъ, мню, долженъ тотъ наслаждаться благополучіемъ, кто таковымъ образомъ можетъ одолжать искреннихъ и благодарныхъ своихъ друзей. — Постой и посовѣтуй съ своимъ стекломъ; очи смертныхъ весьма слабозрящи!

Великій самодержецъ! возопилъ паки человѣкъ, избавь меня сего позорища!

рища! — Разсмотри оное хорошенько; вижд всѣ мученія сего нещастнаго; вижд злодѣйское его сердце, пожираемое пламенемъ развращенія; вижд гнусныя его руки, распространяющія заразу между сограждан своихъ. Любоимѣніе ненасытимое чудовище, и хищеніе, имѣющее орлиные когти, попеременно терзаютъ удручаемую преступленіями грудь его. Упоенный величествомъ, колеблется онъ на подножіи своемъ, на кое поставленъ честолюбіемъ; иногда полнъ тщеславія, ругается низшими, а иногда, объятый страхомъ, дрожитъ, предвидя близкое свое паденіе.

Можно ли помыслить, вскричалъ земледѣлецъ, чтобъ подъ симъ прелестнымъ покровомъ скрывалось столь гнусное состояніе? Оставь меня въ моей долѣ, о всесильный Юпитеръ! оставь мнѣ плугъ мой и мотыку!

Потомъ разбиралъ онъ и отвергъ состояніе хранителя законовъ, которое ему весьма показалось сходно съ участью Министра. Тщетная любовь къ славѣ не представила ему завистною судьбу

воина,

воина, и онѣ лился слезами о тѣхѣ бѣдствіяхѣ, коими война опустошаетѣ цѣлыя области, превращая ихѣ вѣ пустыни.

Какимѣ звѣрствомѣ должна исполняться душа, попирающая всѣ права и всѣ законы, отѣемлющая у подобнаго себѣ вольность и жизнь? но когда нападенія и войны прекратятся, то колико еще терпимѣ мы слѣдующихѣ за ними казней и бѣдѣ. Сохрани меня, Боже великій! отѣ сего неистовства, пусть будетѣ рука моя употреблять одни токмо мирныя орудія!

Оглядѣвѣ тако разныя состоянія жизни, признался онѣ чистосердечно вѣ неправотѣ своихѣ жалобѣ, а великій отецѣ боговѣ произнесѣ кѣ нему слѣдующія слова, вѣдай слѣпый смертный, ищущій истиннаго блаженства, что я не присоединилѣ оное ни кѣ чинамѣ, ни кѣ богатствамѣ, но всякое добродѣтельное сердце имѣ наслаждается. И такѣ старайся быть справедливымѣ; пріобрѣтай добродѣтель, чрезѣ сіе будешь ты наслаждаться душевнымѣ спокойствіемѣ. Послѣ сихѣ словѣ, дабы сдѣлать земле-

дѣльца

дѣльца благополучнымъ, поставилъ онъ его подъ домашній вязъ.

БАСНЬ VIII.

Человѣкъ, кошка, собака и муха.

Переводчикъ къ своему отечеству.

Блаженная страна, коея плодородныя поля охраняются Марсомъ и Нептуномъ, и ограждаются неприступнымъ жилищемъ естества. Щедрая природа основала въ тебѣ престолъ наукъ и художествъ. О Россія! да не будутъ чада твои невольниками роскоши, и да не встревожитъ никто благополучнаго твоего жребія. ПЕТРЪ тебя воскресилъ, ЕКАТЕРИНА просвѣтила, ПАВЕЛЪ совершитъ. Соотвѣтствуй спасительнымъ ихъ попеченіямъ; блюди себя отечество любезное. Ты восходишь днесь на чреду свою, преуспѣваешь въ возрастъ мужеской, то должно отринуть тебѣ слабости порока и своенравіе младенчества уже миновавшагося. Должно укрѣпляться въ добродѣтеляхъ мужу, а не отроку приличныхъ. Законы твои священны; они начертаны рукою

спра-

справедливости, подвигнутыя сердцемъ; но естьли сіи драгоцѣнные залоги милосердія и попеченія твоей премудрой Законодательницы оставишь ты безъ рачительнаго наблюденія, безъ прозорливой и неколебимой честности, то не будешь соотвѣтствовать истинной и должной благодарности къ подавшей тебѣ оныя, и воспрепятствуешь ей наслаждаться совершенствомъ ея творенія. Паки ли гнусная мзда искривитъ прямыя вѣсы правосудія? паки ли вредная роскошь и праздность заразитъ тебя болѣзнію? блюдись дражайшее Отечество мое! возвышай и разширяй свою славу, въ коей и самая зависть препятствовать тебѣ будетъ не въ состояніи. Не гоняйся за привидѣніями внѣшнія суетности; ищи своего блаженства внутри себя. Все у тебя есть изобильно; извѣдывай свои собственныя силы! и содѣлавши собственное свое блаженство, разширяй его и на своихъ сосѣдей, дабы вcѣ единогласно возопили благодареніе и совокупно воздвигли въ честь твоей Аѳины долговѣчные обелиски, и увѣнчали ихъ радо-

стными и благодарными сердечными чувствованіями. Се жребій твой Россія!

Требуетъ природа, чтобъ всѣ члены обществѣ взаимно другъ для друга трудились; ни кто изъ нихъ не произведенъ для увальчивой праздности. Естество опредѣлило однимъ водить плугъ, другимъ ударять тяжкимъ млатомъ въ раскаленный металлъ. Нѣкоторымъ обращать опрометчивый челнъ; инымъ, упражняясь въ наукѣ познанія вѣтровъ и бреговъ, препровождать флоты наши отъ единаго полюса къ другому; *инымъ прилѣжать къ полезнымъ* художествамъ. Нѣкоторымъ превосходнѣйшаго существа духамъ вложило оно въ руку пріятное перо и въ уста сладкое слово для наставленія прочихъ. Почему всякъ, стремясь къ общественному средоточію, долженъ въ сожитіи быть дружелюбенъ, потребенъ и необходимъ, и родясь для совокупнаго блага, пользу и утѣху ближняго почитать яко свои собственныя.

Верховный обладатель за ѣствы, на столѣ его предлагаемыя, одолженъ земледѣль-

дѣльцу, за великолѣпныя и блестящія одежды художнику, за защищеніе отъ суровости воздушной трудамъ строителя. Искусный оружейникъ приготовляетъ ему украшающій изащищающій мечь; а они всѣ награждаются милостями и попеченіемъ своего Монарха. Онъ защищаетъ ихъ имущество и поддерживаетъ законы; его блаженство зависитъ отъ блаженства подданныхъ, а ихъ благосостояніе отъ его собственнаго. Вотъ цѣль трудовъ добродѣтельныхъ сограждань, и вотъ получаемые ими сладкіе и мирные плоды! одно искусство и трудолюбіе всѣхъ вообще содержитъ и укрѣпляетъ.

Нѣкогда нужда принудила животныхъ предложить человѣку свои услуги. Прежде каждой изъ нихъ, живя особно, искалъ съ трудомъ собственной выгоды. Тысяча заботъ, тьма опасностей тревожили нещастное ихъ состояніе; иногда находили они пропитаніе, а иногда, лишенные онаго, претерпѣвали голодъ. Наконецъ познали, что одна общественная жизнь можетъ доставлять имъ достовѣрныя удобности въ

 содер-

содержаніи, и что одни только человѣческіе труды и попеченія могли удовлетворять ихъ нуждамъ.

Поджарая, безсильная и отъ глада полумертвая кошка желала первая быть выслушана.

Говори Минета, отвѣтствовалъ человѣкъ, что можешь ты сдѣлать для блага общаго? Сими зубами и сими когтями, говорила кошка, буду я вамъ служить съ неутомимостію; я буду истреблять крысъ, вредящихъ ваши ѣствы и никакая мышь не дерзнетъ больше показываться изъ норы, не будетъ уже пожирать припасы ваши и оставлять на нихъ втисненные знаки острыхъ своихъ зубовъ.

Я согласенъ на сіе, сказалъ человѣкъ сіи качества могутъ способствовать къ общей пользѣ; крысы похищаютъ наше жито и чинятъ тщетными подвиги земледѣльца; а родъ вашъ защищаетъ ихъ труды, истребляя сей вредоносный гадъ.

Потомъ обратясь къ собакѣ: теперь, Турка, скажи, мнѣ какія ты имѣешь дарованія?

Мило-

Милостивый государь! отвѣтствовалъ песъ; кто хвалитъ самъ себя, тотъ привлекаетъ на себя во лжи подозрѣніе. И такъ освѣдомтесь у тѣхъ, кои меня знаютъ, спросите ихъ, естьли самая строгая недовѣрчивость нашла меня когда нибудь или измѣнникомъ, или несправедливымъ; спросите о семъ моихъ товарищей, пусть всѣ они скажутъ истинну; вѣрпе, бдѣніе и постоянство мое будутъ вамъ полезны. Когда стану я стеречь ваши стада, то пребудутъ они безопасны; когда же во время ночи буду я охранять васъ, то не дерзнутъ злодѣи къ вамъ приближиться.

Ты говоришъ справедливо, сказалъ человѣкъ, столь важныя услуги достойны награжденія. Прямая и некол.ебимая вѣрность такъ между нами рѣдка, что достойна ты великаго уваженія. Сія драгоцѣнная добродѣтель превышаетъ всякую мзду; такъ будь же другомъ моимъ и сотоварищемъ.

Потомъ обратясь къ Мухѣ, спросилъ, какія услуги ты обѣщаешь?

Отъ

Отъ меня? жужжала крылатая насѣкомая. Я думала, что вы совершенно извѣстны о моемъ происхожденіи. Милостивый Государь! я дворянка, пристало ли мнѣ упражняться въ какомъ нибудь рукодѣльѣ? пусть подлые ремесленники выработываютъ грубую себѣ пищу; они исполняютъ свою судьбину, а я всякой день наслаждаюсь различными забавами. Въ полдень, когда нѣжный полъ разлучается съ постелею, прихлѣбываю я сладкій чай, отъ бутылокъ съ Шампанскимъ виномъ получаю я себѣ божественные обѣды, и обоняю благоуханіе златовидныхъ Сиракузскихъ винъ; однимъ словомъ, посѣщаю я токмо великолѣпныя пиршества и живу для утѣхъ. Человѣкъ, смѣясь ея гордости, возразилъ самохвальство ея такою рѣчью:

Долой! далѣе отъ сего персика, оставь мягкое сіе сѣдалище, непотребная Мошка! тунеядецъ онаго не достоинъ.

Могла ли бы ты, безумная, вкушать отъ сей сладостной кожицы, когдабъ трудолю-

долюбивая рука попечительно не уготовила здѣсь землю для изращенія сего древа? естьли бы и прочія твари подобно тебѣ были безъ всякаго достоинства, то конечно голодъ принудилъ бы тебя искать пропитанія на кучѣ навозной; на ней то такія, какъ ты, презрительныя твари должны искать пищи своей, нестоя ничьего сожалѣнія.

Естьли можешь ты различать истинное отъ ложнаго, то знай мерзкая и самолюбивая пылинка, что тому только, кто способствуетъ разумною ревностію къ умноженію блага общественнаго, извѣстны суть вѣрныя корысти.

Сказавъ сіе, смахнулъ онъ на землю сію безпокойную гадинку, и раздавя ее, сдѣлалъ примѣрную казнь для всѣхъ тунеядцовъ.

БАСНЬ IX.

Тигрь, Леопардъ, Ишакъ и другія животныя.

Къ политику.

Нѣкогда развращеніе овладѣло всѣмъ родомъ человѣческимъ; собственная польза заразила всѣ разумы; постыдные дары, заглушая употребленіе здраваго разсудка затьмили истинну и помрачили краснорѣчіе. Прошедшія времена изобиловали великими преступленіями; и такъ долженъ ли я для оправданія нашихъ предковъ заключить, что вся ихъ исторія несправедлива. Мнѣ весьма извѣстно, сколько мзда оскверняла ихъ руки; но какъ сіи политическіе доводы и сребролюбіе во всей силѣ тогда существовали, то политики, какъ вы сказываете, дѣлали весьма благоразумно, употребляя вѣрнѣйшіе способы къ достиженію до своей цѣли; они дѣлали весьма изрядно, влача людей въ ту сторону, куда имъ желалось, и снаровляя слабости ихъ въ свою пользу. Не показывали ли они при такихъ случаяхъ великость своихъ дарованій и прозорливости.

Я не противостою симъ причинамъ, но прошу васъ выслушать мои и дать на оныя отвѣтъ. Естьли въ этомъ истинна, и естьли тутъ справедливость, чтобъ стряпчей наставлялъ судью защищать и ту и другую сторону? вы весьма извѣстны, что одни задатки дѣлаютъ ихъ краснорѣчивыми, и что достоинство партіи состоитъ только въ ихъ пышности. Естьли это самое есть истинна, то могутъ ли дарованія, разумъ и мудрость получить благосклонность отъ прелюбодѣйки, которая покупается деньгами, такъ какъ вещь продажная? Священное писаніе вѣщаетъ къ намъ, что человѣкъ склоненъ къ злу; скажете ли вы, что сія склонность уменшаетъ ненависть къ діяволу? въ прочемъ, чѣмъ склонность сія сильнѣе, тѣмъ менѣе блистаютъ дарованія сихъ злыхъ духовъ.

Вы знаете еще, что развратъ водворился къ людямъ не недавно; что онъ находился во всѣхъ земляхъ; что вельможи прошедшихъ временъ, видя себя при брегѣ пропасти, и содрагаясь призорѣ на глубину оной, положили между

ду ею и собою за преграду чины, пенсіи и подлые подарки. Такимъ образомъ отсрочивали они на нѣкоторое время свое паденіе и утвердили свои щастливые успѣхи. Они владычествовали деспотически, и утѣсняли съ наглостію, а подлые ихъ рабы возносили ту руку, которая изобильно сыпала на нихъ злато. Народъ обманутъ былъ недостойнымъ образомъ, злодѣи похищали честь и преимущества; они имѣли первѣйшія степени, а дарованія и достоинства заточались во маркѣ.

Но наконецъ сіи нещастные, лишенные сокровищъ, довѣренности и чиновъ, оставлены отъ всѣхъ, и отчаянны подверглись общенародному презрѣнію и жесточайшимъ укоризнамъ, кои заслуживало мерзкое ихъ хищеніе. Куда дѣвались славные мошенники, куда тогда дѣвалась ваша гордость, ваша пышность, и куда изчезло сіе толпище ласкателей, преслѣдовавшее пути ваши? были ли вы еще потомъ окружены бездѣльными панигиристами? нѣтъ; сіе сонмище лжецовъ, раздѣляющее съ вами бездѣльства ваши, желало прежде всѣхъ про-

провозгласить ваши плутни, бездѣльническія намѣренія, гнусныя предпріятія, слабыя дарованія и постыдную вашу невѣрность.

Безумцы! какъ не могли вы, будучи вознесенны на вышшую степень, предвидѣть своего паденія? какихъ пріобрѣли вы себѣ друзей? подлыхъ невольниковъ, коихъ купили вы, дабы подавали вамъ совѣты во время вашего царствованія; а на содержаніе сихъ тунеядцовъ пріумножили вы долги народа. Нещастныя жертвы! извѣстно вамъ, что сіи низкія души тогда только оказываютъ дружбу, когда имъ за то платятъ.

Сильнѣйшій изъ всѣхъ звѣрей безъ сомнѣнія есть левъ; сила и достоинство рода его показываютъ сіе превосходство. Однакожъ это правда, что нѣкоторые львы вручали власть свою Ишакамъ, какъ будто бы умѣніе визжать достаточно было для владѣнія обширными лѣсами.

Нѣкогда одинъ изъ сихъ Ишаковъ, будучи такъ гордъ, какъ оселъ, и при-

томъ великій корыстолюбецъ, угнѣталъ лѣсныхъ жителей; онъ присвоялъ себѣ все ихъ имущество и для удовлетворенія ненасытимой своей пасти попиралъ ногами законы. Повторяемыя насилія произвели общенародную ненависть, которой вопли вскорѣ коснулись ушамъ сего министра. Терзаемъ угрызеніемъ совѣсти и внутренними волненіями, провождалъ онъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ о своемъ состояніи и жестоко трепеталъ, зря сближающееся паденіе.

Я приберу себѣ *такихъ друзей*, говорилъ онъ, кои поддержатъ вознесенный мой санъ, и чрезъ сіе принужу враговъ моихъ къ молчанію. Такъ, не смотря на нихъ, новые сіи союзники утвердятъ мое могущество и я вскорѣ поругаюсь ихъ ропщаніямъ.

Въ то же время, стараясь подкупить великодушныхъ животныхъ, уклоняется предъ ними, имъ ласкательствуетъ и предупреждаетъ ихъ желанія. Сіи честныя твари отвергнули гнусныя его услуги, почитая за посрамленіе быть полезными утѣснителю. Однако благо-

благосклонность еще его поддерживала; онъ мнилъ, что нѣкоторые подарки могутъ доставить ему хвалителей, но подарки, ясный знакъ несправедливости, не могли произвесть дѣйствія въ честныхъ лапахъ, хотя всякія лапы не отвергаютъ то, что принуждаетъ ихъ протягиваться.

Позлащенная наружность яблока побудила прожорливую свинью на все отважиться. Корыстолюбивый волкъ подкупленъ былъ добрымъ кускомъ оленины; лисица исполнилась ревностнымъ жаромъ, принявъ въ подарокъ цыпленка, а обезьяна за большой орѣхъ съ охотою прилѣпилась къ подлой сей шайкѣ.

Наконецъ обремененный игомъ свирѣпства и общенародной ненависти угнѣтатель низвергнутъ, а общество получило отдохновеніе. Леопардъ, взявшись за дѣло своего народа, обнажилъ татьбы измѣнника и пріялъ власть свою. Прислужники Царедворцы бѣжали толпами, спѣша выхвалять предъ нимъ свое усердіе и предложить свои услуги.

Свинья хрюкала съ твердостїю духа и утверждала, что всѣ бездѣльники безъ изъятїя должны быть повѣшены; но въ самое тожъ время низкимъ и подлымъ голосомъ давала знать, что довлѣетъ ей опредѣлить изъ государскаго сокровища пансїонъ, состоящей изъ нѣсколькихъ яблокъ. Волкъ, видя, что принимались за хозяйство, требовалъ себѣ на день по одной только бараньей головѣ. Лиса представляла, что прозьба ея объ одномъ гусенкѣ не чрезвычайно велика. Мартышка говорила, что ея болтанье, кривлянье и рѣзвости заслуживаютъ каждыя сутки орѣхъ, или другую закуску.

Бѣгите, корыстолюбцы, вскричалъ Леопардъ! я гнушаюсь подлостью вашею; когда кто стремится къ единому благу общества, тотъ не имѣетъ нужды покупать друзей. Тѣ, кои съ достоинствомъ несутъ сей полезный чинъ, имѣютъ себѣ подпорою всѣ непорочныя сердца; но духъ мятежа и коварства всегда тщетно сыплетъ свои дары. Государь, принесенный вами въ жертву, извѣстенъ чрезъ поступки ваши, что

можно на нѣкоторое время купить полезныя орудія, а не друзей.

БАСНЬ X.

Переродившіяся пчелы.

Почтенному Доктору Свифту, Декану с. Патриція.

Буду я почитать друга моего во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, хотя при древнихъ Дворахъ сей поступокъ и порицали. Весьма я знаю, что въ искусномъ политикѣ считалось сіе великимъ заблужденіемъ; ибо мнили, что дружба не могла долговременно продолжаться, и тотъ назывался по слову искусства глубокоумнымъ, кто не терялъ изъ виду собственной своей корысти; другія времена, другіе друзья, сіе была политическая аксіома.

Знаю я, что вы имѣете многихъ враговъ, и что я именуясь вашимъ другомъ, навлекаю на себя ихъ отвращеніе. Мнѣ извѣстно, что всѣ бездѣльники, кто бы они ни были, ненавидя васъ,

 вну-

внутренно содрогаются отъ вашихъ рѣчей и писанія. Вы столь вольны въ вашихъ сочиненіяхъ, что сіи плуты не могутъ мирно наслаждаться имуществомъ, награбленнымъ у ближняго. Вы заставляете людей всякаго состоянія не терпѣть и проклинать себя, а зависть вооружаетъ противъ Попія и противъ васъ безчисленное толпище всѣхъ нашихъ мѣлочныхъ писателей. Что же касается до усиливанія сихъ послѣднихъ, правда, что одни типографскіе наборщики отъ того терпятъ.

О праведный Боже! какіе сильные люди! (ибо въ Лондонѣ видали истинныхъ Автоматовъ, (*) занимающихъ самые высочайшіе чины) какіе люди разсыпали на васъ злорѣчіе и пасквили, ясное доказательство вашего разума и вашей добродѣтели! Но въ писаніяхъ вашихъ язвили вы пороки ихъ; слѣдовательно получили вы то, чего были достойны, и изъ сего-то можно заключить, что имѣете вы весьма малое число друзей, кое составляютъ нѣсколько мудрецовъ и я. Дабы яснѣе оп-

(*) Самодвижущаяся махина, или истуканъ.

открыть мысли мои, намѣренъ я разсказать вамъ нижеслѣдующую басню; она ни мало не сходствуетъ съ нынѣшнимъ временемъ, и я ее выдаю вамъ не такъ какъ урокъ нравоученія.

Одна весьма хитрая и политичная пчела, которая однакожъ не имѣла ни малѣйшаго дарованія, пренебрегала то искусство, въ коемъ упражнялись подобныя ей, а любила одно только сладострастіе. Будучи надмѣнна, тщеславна и жадна къ власти, а болѣе къ корыстолюбію, она склонила къ себѣ почти весь рой подарками и ласкательствами. Малые бездѣльники обогащаютъ большихъ.

Она, свершивъ свои желанія, достигнувъ на верьхъ могущества и собравъ безщетныя сокровища, обнажила тѣмъ все свое тщеславіе. Безстыдство ея было въ почтеніи, и всякая пчела, имѣющая хорошіе и воздержные нравы, была въ глазахъ ея безполезна и безумна. И такъ тѣ, кои слѣдовали законамъ чести, посланы въ изгнаніе, а чины ихъ отданы порядка нарушителямъ. Богатство

ство сдѣлалось титлою славы; бѣдность стала поносною и остроуміе презрѣннымъ; духъ прельщенія былъ всѣми похваляемъ; любовь къ отечеству, правосудіе и законы принуждены были молчать предъ сею сребролюбивою и развращенною пчелою; однимъ словомъ, почти весь рой, желая участвовать въ ея татьбѣ, не радѣлъ болѣе объ общественныхъ трудахъ.

Оставимъ, говорила она симъ, простороднымъ и малоумнымъ тварямъ провождать цѣлые дни въ подлыхъ механическихъ рукодѣліяхъ, а мы, которыхъ природа одарила тонкимъ и нѣжнымъ разумомъ, удалимся отъ низости предковъ нашихъ. Оса и Трутень, вы всѣ въ томъ признаетесь, что живутъ гораздо и веселѣе и щеголеватѣе насъ; они забавляются какъ дворяне и препровождаютъ цѣлые дни въ пиршествахъ, никакимъ трудомъ не востревоженныхъ; они жирѣютъ благороднымъ образомъ отъ избытковъ своихъ сосѣдей.

Одна упрямая пчела, работающая въ своемъ ячьѣ, услышала сіи рѣчи, и

вос-

воспламеняясь негодованіемъ, дала нанихъ жаркой отвѣтъ: я небрегу о твоемъ презрѣніи и гнушаюсь тщеславіемъ. Законы покровъ естественнымъ нашимъ правамъ, а дабы защитить ихъ, то должна ты понесть оскорбленіе. Какъ! весь здѣшней рой обольщаемъ сладострастіемъ и никто не дерзнетъ противостать пагубному сему стремленію! поддерживай честь своихъ предковъ! Царица ваша чрезъ единое истребленіе вреднаго сего зла думаетъ возвыситься. Помысли, что остроумное изобрѣтеніе есть подпора нашего сообщества; предки наши одними токмо трудами и бдѣніемъ сдѣлались столь сильны и славны; будь добродѣтельна, отвергни предуготовленный тебѣ срамъ, открой глаза и смотри, что рабствуя частнымъ выгодамъ, подкапываешь и истребляешь ты основаніе нашего сообщества.

Едва она сіе выговорила, то тотъ же часъ изгнали ее вонъ и обругали съ жестокостію. Одна только чета друзей, презирающая такъ какъ и она сихъ гнусныхъ выродковъ сотовариществовали ей въ убѣжищѣ.

Пусть сіи Шмели, говорила она, отлетая отъ нихъ, пусть сіи подлыя насѣкомыя (я даю имъ то имя, кое изъ сихъ онѣ лучшимъ по себѣ найдутъ) тѣснятъ наше отечество. Ихъ ненависть уясняетъ нашу добродѣтель и нашу ревность къ общенародному благу; мы же, будучи симъ развращеннымъ скопищемъ презрѣны и отверженны, болѣе заслужимъ почтеніе у малаго числа мудрыхъ.

БАСНЬ XI.

Рабочая лошадь и гонецъ.

Къ молодому Милорду.

Начинай Милордъ съ самой твоей юности любить истину, начинай ее и ободрять, и не укоряй меня въ томъ, что я нѣкоторымъ образомъ выступаю изъ границъ почтенія, не произнося предъ вами ласкательныхъ витійствъ, кои алчныя уста, дабы напыщать твое тщеславіе, каждодневно употребляютъ.

Древо отличается плодомъ своимъ, и такъ да стремится первое твое стараніе къ снисканію добродѣтели; слѣдуй стезямъ твоихъ предковъ и пріобрѣти какъ и они имя великаго, презирай подобно имъ низкія дѣянія и докажи чрезъ твои совершенства свѣтлость своего рода.

Правда, что столы предковъ твоихъ сребро не отягчало, но совѣсть честныхъ сихъ душъ оставалась за всегда невинною; они при просыпаніи вельможъ никогда не ползали яко гнусные ласкатели; никогда честь ихъ не была продажною; непорочныя ихъ руки огребались отъ мздоиманія; завсегда ревностны къ общественному благу, служили они ему какъ истинные сограждане; они были подпорою законовъ нашихъ и имѣли въ сердцахъ своихъ неизгладимо впечатлѣнную любовь къ отечеству; ни награды, ни чины, ни почести не могли приводить ихъ въ соблазнъ; завсегда изъяснялись они такъ, какъ говорило имъ сердце и сходно съ симъ подавали свои голоса. Такимъ-то образомъ дали они полную

знатность своимъ чинамъ, и чрезъ сіе то обрѣли они имя великихъ.

Естьли вы, гордясь своимъ произхожденіемъ, и воображая, что одного его вамъ довольно, презираете ученіе, то вы ничто больше, какъ безумецъ, открывающій множеству зрящихъ на васъ свои недостатки. Когда человѣкъ слабаго и низкаго ума возведется на высокія степени, то пороки его чрезъ то болѣе уясняются. Естьлижъ вы сами, сдѣлавшись орудіемъ бездѣльничества, согласитесь на беззаконныя предпріятія, то тогда будемъ мы платить вамъ справедливымъ презрѣніемъ; и въ этомъ, Милордъ, какъ и въ прочемъ, будете вы имѣть преимущества. Кто учинилъ имя ваше знатнымъ? добродѣтель. Но вы получили отъ предковъ вашихъ одно только имя, коего истинное блистаніе одни вы можете сохранить. Естьли вы не будете прилѣжать къ ученію, то ни Герцогская ваша корона, ни горделивая наглость не въ состояніи будутъ укрыть ваше невѣжество; познаніе не есть наслѣдство, но мзда долговременнаго ученія.

Достоинство твое, Милордъ, требуетъ примѣрнаго совершенства, и точно такогожъ, какимъ вознесены твои предки; естьлижъ ты оное уронишь, то слава ихъ болѣе умножитъ твое посрамленіе.

Гонецъ желалъ видѣть всякой вечеръ и утро лошадей своихъ, какъ онѣ ѣдятъ. Правда, что сей присмотръ убавлялъ прибыль хозяина, но чрезъ то сѣно и овесъ доходили конямъ въ полномъ количествѣ, соразмѣрно заплатѣ. Естьли бы мы во всѣхъ дѣлахъ были толикожъ бдительны, то знатные чины приносили бы тогда малую прибыль.

И такъ лошади сего гонца имѣли свое пропитаніе неоскудно. Въ одно время, какъ онъ съ удовольствіемъ слышалъ ихъ грызущихъ и жующихъ свои зерны, произшелъ между ими великій раздоръ; они ржатъ, кусаются и лягаютъ. Подъемная лошадь, точа пѣну и сердито поводя глазами, кинула на прочихъ горделивый и злой взглядъ. О небо, говорила она! сколь жестока моя судьбина! какъ! столько забыта

моя

моя порода? Доведена бывъ до позорнаго невольничества, ни мало не сходствующаго съ знатнымъ моимъ происхожденіемъ, не уже ли должна я сносить нападки сихъ мерзкихъ простонародныхъ клячь? Взгляните на сего шелудиваго рыжака, подло рожденнаго безумца, дерзающаго отталкивать рыло мое отъ яслей; не уже ли должна я, я, которая веду свое поколѣніе отъ древней дворянской фамиліи, *кормиться* нечистыми объѣдками послѣ сихъ подлыхъ ремесленниковъ? Какъ! мнѣ терпѣть ихъ *обиды* и удары! Прилично ли породѣ моей сносить таковыя поруганія! на новомъ рынкѣ и понынѣ говорятъ еще о моемъ дѣдѣ; барышники превозносятъ онаго похвалами и не забудутъ никогда разсказыватъ о его побѣдахъ; прейсы удальства его записаны тамо всѣ подробно. Всѣ видали, какъ онъ, украшенный богатою попоною, выходилъ на мѣсто ристалища при звукѣ трубъ и возвращался оттуда побѣдителемъ. Зри во мнѣ, недостойная чернь, сына его, и почитай кровь мою.

Безум-

Безумная горделивица, вскричалъ къ ней гонецъ! должно ли когда нибудь имѣть почтенiе къ тщеславiю? Вѣдай, что ты сдѣлалась невольницею по одной своей гордости и безумству. Своенравная твоя младость отвергала управленiе узды. Самохвалы твоего рода, ослѣпляясь мнимымъ достоинствомъ, наполняютъ голову свою одними только вздорными замыслами. Хе! что мнѣ до того нужды, кто тебя родилъ! упрямецъ, болтунъ, глупецъ, неистовый; я почитаю твоихъ предковъ, сего они достойны, но ты, негодяй, развѣ болѣе ихъ имѣешь заслуги? Спроси у всѣхъ гонцовъ; они тебѣ скажутъ, что ступь твоя ни къ чему не годится. И такъ не превозносись болѣе своимъ благородствомъ, которое не придаетъ тебѣ ни силы, ни шагу. Какуюжъ прибыль получаю я отъ твоихъ пустословiй? разсмотри все сiе хорошенько; оселъ болѣе тебя имѣетъ достоинства.

Не допустимъ никогда, чтобы наружныя титлы могли насъ прельщать, и будемъ поступать всегда съ осломъ, такъ какъ глупость его заслужила.

БАСНЬ XII.

Панъ и Фортуна.

Лишь только свѣдали игроки о кончинѣ вашего родителя, то, какъ будто бы оставшееся наслѣдство имъ было отказано, изъявили всѣ великую ту радость, которую вы столь искусно въ сердцѣ своемъ укрыть умѣли, и превозносили васъ безчисленными похвалами, такъ какъ будто вся ихъ надежда на васъ одномъ основывалась. Одинъ изъ нихъ вычислялъ имъ всѣ доходы ваши *наличными* деньгами: нѣтъ изобильнѣе дому, говорилъ онъ имъ; обширной прекрасной его садъ, окруженной великолѣпнымъ звѣринцомъ, превеликой лѣсъ! . . . Потомъ присвоилъ онъ себѣ драгоцѣнныя ваши каменья и серебряную посуду. Онъ еще болѣе изъяснился, заключая, что все сіе имѣніе еще не заложено, то, чего не достанетъ на заплату долговъ въ сундукѣ, то земли и угодья удовольствуютъ остатокъ.

Такимъ образомъ, прежде нежели вы себя имъ вручите, располагаютъ уже

они

они мысленно вашимъ имуществомъ. Но скажите мнѣ, когда извѣститесь вы, что разбойники при большой дорогѣ васъ ожидаютъ, то вынесете ли вы къ нимъ ваше богатство? Безумецъ, подвергающій столь неосторожно имѣніе свое хищенію, не самъ ли въ томъ виновенъ? Ахъ, не то же ли вы дѣлаете, когда заводите игру съ сими господами!

Но естьли бы дана была власть сумазбродамъ беречь свое имѣніе, то бездѣльники былибъ весьма несчастны. И такъ играете вы изъ сожалѣнія къ симъ негодямъ, и чтобъ избавить достойное ваше сообщество отъ немилосердыхъ рукъ палача. Естьли не будете вы доставлять имъ дневнаго пропитанія, то ктожъ поддержитъ тунеядцовъ? Когдабъ сіи искусные разорители васъ не проводили, тобъ подверглись они величайшей опасности, обдирая по большимъ дорогамъ, но дѣля съ вами такимъ способомъ доходы ваши, убѣгаютъ они отъ висѣлицы.

Однакожъ, прежде нежели берешся ты за карты, разсмотри осторожно,

 что

что то число денегъ, которое ты игрѣ жертвуешь, нужно бы было на заплату твоему портному. Когда кидаешь ты костьми, не ставишь ли ты на нихъ честь свою? О нѣтъ, никогда! ты мнѣ отвѣтствуешь. Я въ етомъ согласенъ, но не долженъ ли ты обольщать заимодавцовъ своихъ самыми подлыми лжами? Сей щетъ портнаго, столь часто плаченной твоими обѣщаніями, еще не очищенъ, съ какою увертливостію унижался ты, чтобъ отсрочить роспиську свою, данную мяснику! *ты получилъ* отъ него милость сію, но надобно заплатить то, что ты проигралъ. При семъ случаѣ честь твоя не потерпитъ ни малѣйшей отсрочки, что же остается дѣлать тебѣ? двугодовыхъ доходовъ недостанетъ на разплату съ тѣми бездѣльниками, которые тебя обманывали.

Ободрись и увидь нищету, кою влечетъ за собою игра. Увидь имѣнія въ закладѣ, раздробленныя и проданныя. Смотри едва спасающихся отъ тюрьмы нещастныхъ ихъ владѣльцовъ, столь же нищихъ въ достаткѣ, сколь

и

и въ разумѣ. Многіе простяки поздо начинаютъ учиться рукомеслу; другія, коихъ минутное заблужденіе принудило сдѣлаться подлымъ орудіемъ нѣкоторыхъ вельможъ, умножаютъ пресмыкающійся дворъ и питаются ихъ подаяніемъ. Берегитесь, государь мой, возчувствовать то же, что они, и испытать, сколь истинно сіе нравоученіе, *что безумцы бываютъ добычею бездѣльниковъ.*

Уже дремучій лѣсъ стократно одѣвался новыми листами, какъ безжалостной онаго владѣлецъ вознамѣрися его истребить, но слыша своихъ заимодавцовъ умножающихъ каждодневно шумъ предъ его воротами, предалъ онъ равной судьбинѣ и звѣринецъ. Безжалостные кресьяне повинуются велѣнію своего господина. Къ чему деньги не могутъ преклонить руки варваровъ? Вязы, дубы подъ тяжкими ударами падаютъ, стенаніе ихъ эхо повторяетъ, лѣсъ ими оглашается.

При семъ горестномъ зрѣлище Панъ обливается слезами и пылаетъ гнѣвомъ. Онъ топчетъ кости и кидаетъ разтерзанныя карты по воздуху.

 Ули-

Улитка насѣкомое, лишающее поля пріятной зелени, есть для меня предметъ вѣчной ненависти. Несносна мнѣ гусеница, поядающая украшеніе блистающей весны, и прожорливая саранча, несущая съ собою всюды голодъ и опустошеніе, но можетъ ли раззореніе отъ нихъ равняться съ вредоносными сими забавами? Одинъ разъ кинутыя кости истребили лѣсъ сей. Переворотили карту, и обширной звѣринецъ лишился бытія своего. Увы! нѣтъ уже васъ болѣе, украшенія драгоцѣнныя, *древняя слава владѣнія* моего! О фортуна, фортуна! ты ударомъ своимъ произвела сіе опустошеніе. Жена слѣпая, непотребная пронырщица, ты ищешь моего раззоренія, ты болѣе въ одну минуту причинила мнѣ зла, нежели всѣ насѣкомыя вмѣстѣ собранныя могли произвести чрезъ цѣлый вѣкъ!

Случай завелъ тогда фортуну въ самое то мѣсто; она услышала вопли бога лѣсовъ. Къ чему такой гнѣвъ, говорила она ему, и къ чему служатъ такіе простонародные ругательствы? Я ли богиня игроковъ? Я ли поддѣлываю кости?

сти? я ли научила обманчивому искусству подбирать и крапить карты? изъ всѣхъ людей менѣе забочусь я о игрокахъ; и изъ ста одинъ, и то естьли я не ошиблась въ щетѣ, совершенно на меня полагается; но я его не хвалю, ибо прочіе не увѣрены въ моей власти, и не даютъ мнѣ ничемъ располагать; вся ихъ надежда основывается на ихъ искусствѣ. Вкругъ игорныхъ столовъ находятся два рода людей, но родъ плутовъ гораздо многочисленнѣе. Можно ли меня упрекать тѣмъ, что безразсудно утверждаютъ въ школахъ; смѣльчаки суть любимцы фортуны? Сіи дѣйствіемъ игры опустошенныя лѣса довольно опровергаютъ такое вообраҗеніе стихотворцовъ. И такъ за что ты меня подозрѣваешь, любезный Панъ! естьли ты захочешь примѣтить, то безуміе есть единственный твой непріятель. Сей звѣринецъ и сей обширный лѣсъ были мои подарки; но глупость ихъ истребила.

БАСНЬ XIII.

Плутусъ, Любопь и Время.

Изъ всѣхъ тяжестей, на человѣка возложенныхъ, бремя времени кажется несноснѣйшимъ. Весьма мало такихъ дней, которые бы не представляли намъ множество людей, стенающихъ подъ симъ несноснымъ игомъ.

Какъ онаго избавится? *Я всталъ въ 9 часовъ*, говоритъ Автевкоръ; *отъ девяти до обѣда остается еще шесть часовъ, великій Боже! а дѣлать нечего. По что не нѣжился я до двухъ часовъ въ постелѣ?*

Онъ разгибаетъ романъ, и едва прочитавъ полстраницы, чувствуетъ усталость, роняетъ книжку изъ рукъ, беретъ табакерку, напѣваетъ пѣсенку, зѣваетъ и тянется на стулѣ.

Кидаетъ взоръ на часы, не уже ли я дремалъ? Какъ! только двацать минутъ прошло? вѣрно часы мои остановились. О небо! какъ несносно такимъ

кимъ образомъ сидѣть надъ книгами. Я думалъ, что во время моего чтенія по крайней мѣрѣ прошелъ часъ. Изъ всего дневнаго времени болѣе всего ненавистно мнѣ утро; какъ поздо ни встань, все еще рано.

Дабы поскорѣе провесть минуты и избавиться отъ самого себя, приходитъ Авшевкоръ въ ближній кофейной домъ. Онъ беретъ вѣдомости, прочитываетъ въ нихъ нѣсколько словъ, вскакиваетъ съ стула на стулъ, пьетъ чай, грызетъ ногти, и наконецъ находитъ товарища въ своемъ нещастіи. Они сходятся, разговорами облегчаютъ нѣсколько свою скуку; уменшаютъ взаимно свои нещастія и сравниваютъ жестокость судьбы своей.

Одинъ изъ нихъ говоритъ: какъ всѣ люди должны признаться, что время имъ тягостно, то не худо ли будетъ, когда мы до двухъ часовъ просидимъ зи пикетомъ; игра можетъ укоротить вѣчность утра. Однѣ только карты дѣлаютъ сносными длинные зимніе вечера. Карты во весь годъ сокраща-

ютъ ночи свѣтскихъ людей; игрою можно обманывать время. Игра прогоняетъ тошноту въ красавицахъ и часы ихъ пролетаютъ столь нечувствительно, что они совсѣмъ забываютъ ихъ считать.

Итакъ судьба моя весьма тягостна, отвѣтствовалъ Хрономохтъ; я лишенъ сего удовольствія; не знаю я, что такое игра. Придворные имѣютъ по крайней мѣрѣ тысячу бездѣлокъ, которыя ихъ занимаютъ; они проводятъ половину дней въ любовныхъ дѣлахъ; *они весьма благополучны*; время никогда не бываетъ имъ въ тягость; должности ихъ его прогоняютъ. Что касается до меня, будучи безъ предпріятій, безъ чина при Дворѣ, самое лучшее мнѣ остается пригласить обѣдать съ собою нѣсколькихъ изъ моихъ пріятелей; вино удаляетъ заботы, каждый изъ нихъ забываетъ свои при дверяхъ трактира. Но въ шесть часовъ, несносное время! кличутъ къ расплатѣ; куда тогда итти? Игру я ненавижу; что дѣлать отъ шести до десяти часовъ, кромѣ какъ спать? Не можно

лучше

лучше сего употребить время. Какъ скоро окончится комедія, то естьли есть какое собраніе, бываю я въ немъ непремѣнно, и прогуливаюсь важными шагами изъ покоя въ покой. Завожу разговоръ, не продолжая онаго и не слушая. Уставъ до смерти, сажусь подлѣ какой нибудь красавицы и таинственнымъ видомъ разсказываю ей всякія бездѣлицы. Но увы! уже говорятъ о разъѣздѣ; ахъ! я чрезмѣрно боюсь уединенія и домашней задумчивости. Дабы поскорѣе провесть медлительную ночь, возвращаюсь я съ моими пріятелями обратно въ трактиръ и сидимъ тамо до тѣхъ поръ, пока сонъ, отяготя наши руки, останавливаетъ въ нихъ стаканы; такимъ образомъ горевали они о взаимномъ своемъ нещастіи.

Увы, друзья мои! подумайте, что всякой часъ уноситъ съ собою часть скуки вашей. Естьли бы вы пріучены были трудиться въ прилѣжаніи къ художествамъ и наукамъ, то часы жизни вашей текли бы тогда очень поспѣшно, и вы бы сожалѣли о прошедшемъ времени, которое быстротою подобно вѣ-

вѣтру, бездѣйствіе одно разслабляетъ ваши способности; избавтесь отъ сего мга, признавшись въ заблужденіи, будете вы оплакивать свое невѣжество. Удѣлите хотя одну минуту на размышленіе, прочитайте басню мою съ прилѣжаніемъ, естьли имѣете вы силу себя столько принудить.

Плутусъ, исполненъ заботы, въ нѣкоторое время, желая разгнать мысли и насладиться чистымъ воздухомъ, прогуливался; Любовь съ нимъ повстрѣчалась; оба они примѣчательно глядѣли другъ на друга; они знали себя только въ лицо. Размышляя нѣсколько времени, перестали они взаимно удивлятся. Сдѣлавъ съ обѣихъ сторонъ множество привѣтовъ, увидѣли приближающееся къ нимъ Время, которое, соединясь съ ними, продолжало прогулку. Они разговаривали о многихъ матеріяхъ, а особливо о разныхъ тѣхъ дарованіяхъ, коими награждены отъ нихъ человѣки. Плутусъ, принявъ на себя сей надменной видъ, тотъ видъ, которой очень хорошо выдерживаютъ миліонщики наши, пускай рѣшатъ смертные, гово-

говорилъ онъ, кто изъ насъ болѣе изъявляетъ добра человѣческому роду. Обратите взоръ на Дворы Царскiе и скажите, вѣрность, или корыстолюбiе ихъ составляютъ? Сей статской человѣкъ чрезъ какое орудiе возшелъ на высокой степень чести? Злато учинило его столь могущественнымъ. Чрезъ злато, говорятъ историки, часто многiе бездѣльники управляли цѣлыми народами, царствовали самовластно, умножали свои сокровища и раззоряли народъ. Престанте выхвалять ваши щедрости и признайтесь, что самое достойнѣйшее благо есть то, о полученiи котораго всѣ стараются. Помыслите еще, какое состоянiе нещастнаго съ пустымъ кошелькомъ. Воззрите, сколь угнѣтается онъ нуждою и терзается печалiю робкой нищеты, и наконецъ погибаетъ въ забвенiи безъ друзей и безъ уваженiя.

Ты конечно будешь сомнѣваться въ моемъ сiянiи, отвѣтствовала любовь, и скажешь (естьлибъ отнимала я у злата власть, которая явила столь славные примѣры), что сердце человѣче-

вѣческое есть для меня истинное таинство. Мнѣ извѣстно, сколь краснорѣчиво злато; ибо оно почти никогда не ошибается, искушая самихъ тѣхъ, кои противились прочимъ искушеніямъ. Не торговало ли оно красотою? Она столь же нынѣ низка, какъ и совѣсть: и всѣ браки утверждаются корыстолюбіемъ. Чрезъ золото можно получить согласіе во всемъ; но Плутусъ, цѣна любви не состоитъ въ твоей власти. Мнѣ извѣстны многіе грубіяны, кои публично покупаютъ и продаютъ то, что они изволятъ называть любовью; однако сей торгъ не иное что есть, какъ гнусной обманъ, и всякой того рода бездѣльникъ, достоинъ быть ввергнутъ въ ту тину, изъ коей какъ кажется произошла душа его. Тѣ, кои предаются истиннымъ чувствованіямъ нѣжной любви (въ удовольствіи тѣлесныхъ нуждъ ниодного изъ нихъ не ощущаютъ), не имѣя грубыхъ вожделѣній, живутъ между забавъ и въ себѣ единыхъ находятъ сладчайшее утѣшеніе. Они не терпятъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ могуществѣ, ни въ имѣніи; любовь всѣ сіи бла-

гости

гости имъ доставляетъ: а дружба еще болѣе, и сія, соединясь съ любовью, взаимно производятъ всѣ утѣхи. Кто не знаетъ меня, тотъ не знаетъ жизни.

Естьли возмемъ мы людей въ семъ спорѣ посредственниками, сказало время, то предпочтутъ они или любовь, или злато: прилѣпляясь къ симъ двумъ предметамъ, небрегутъ они мои милости, или во зло ихъ употребляютъ. Однакожъ я исчисляю дни и измѣряю лѣта; хотя мало почитаемо и рѣдко искомо, могу справедливо сказать, что Плутусъ и Любовь должны мнѣ бытіемъ своимъ. Какимъ образомъ проводитъ скупецъ жизнь свою? Видѣлъ ли я его когда нибудь мною наслаждающагося? Едва я онаго оставляю, зрю сокровища его, промотанныя расточительнымъ сыномъ.

Моею помощію изяществуютъ всѣ полезныя художествы, моею помощію пріобрѣтается злато и премудрость. Всѣмъ извѣстно обширное мое могущество, кто можетъ повѣрить въ коликомъ я небреженіи! однако полетъ мой

столь

столь быстрЪ, что и сама любовь меня медлительнѣе. Кто не слыхивалЪ красавицЪ, сѣтующихЪ о прошедшемЪ своемЪ времени! употребивЪ во зло дары мои, онѣ крушатся, и никогда не вкушаютЪ сладости любви. Тѣ, которыя употребляютЪ разумно дни свои, мало имѣютЪ безполезныхЪ желаній, и стремятсяль они кЪ щастію, или кЪ любви, всегда я имЪ оныя вручаю. О сколь люди безразсудны, и сколь мало извѣстна имЪ истинная ихЪ польза! какЪ не могу я кЪ нимЪ паки возратиться, то не должны ли они помышлять о мнѣ и вЪ малѣйшихЪ своихЪ предпріятіяхЪ.

Послѣ сей рѣчи изобличенные боги признались, что дары времени превосходятЪ ихЪ дары, и что благоупотребленіе онаго есть драгоцѣннѣйшее на земли сокровище.

БАСНЬ XIV.

Сова, лебедь, пѣтухъ, паукъ, оселъ и земледѣлецъ.

Къ матери.

Видѣлъ я васъ окруженну юными дѣтьми вашими, исполненными живости; видѣлъ радость матерьнюю блистающую въ очахъ вашихъ; съ какимъ веселіемъ, съ какою горячностію повторяли вы ихъ лепетанье!

Я согласенъ, что они прекрасны, разумны, и что природа хотѣла наградить ихъ драгоцѣннѣйшими своими дарами. Однакожъ не весьма на то полагайтесь; исполните прилѣжно свою родительскую должность; впечатлѣйте въ сердца ихъ мудрыя наставленія, и разсматривайте способности ихъ безпристрастнымъ окомъ. Рачительное воспитаніе дѣлаетъ дѣтей прямыми человѣками.

Неизвѣстно вамъ, каковъ ихъ разумъ, и можетъ быть состояніе ихъ уже назначено; большой будетъ статской

ской человѣкъ, средней военной, а меньшему назначивается духовный санъ. Я не порицаю горячность, внушающую въ насъ сіи выгодныя и щастливыя предпріятія; но статься можетъ, что они только пустыя Химеры. Подумайте, что худо употребя ихъ дарованія, и совратя ихъ съ пути, дѣтей своихъ вы погубите.

Въ нѣкоторое время родитель разговаривалъ съ своимъ пріятелемъ. Вамъ извѣстно, говорилъ онъ ему, сколько для наученія и просвѣщенія сына моего я издержалъ; я его обучалъ всѣмъ художествамъ: но видно что не имѣетъ онъ способности къ изученію. Онъ всему учится и ничего не знаетъ.. Прошу васъ, научите меня, что остается мнѣ предпріять? чѣмъ могу я рѣшить судьбу его? я во всемъ на васъ полагаюсь. Изрядно, отвѣтствовалъ вопрошаемый, но прежде прошу извинить мое чистосердечіе, я не люблю ласкательствовать. Естьли хотите вы мнѣ повѣрить, то сдѣлайте изъ него, не опасаясь ограничить его разумъ, или портнаго, или разсыльщика. Отецъ слѣдовалъ настав-

вле-

вленію своего пріятеля и поступилъ согласно съ его совѣтомъ.

Такимъ-то образомъ природа, каждодневно скрывая свои намѣренія, насъ обманываетъ. Мальчикъ, недостаточной въ разумѣ, посылается въ школу; онъ тамо учится и теряетъ послѣдней, но сіе еще не все; онъ долженъ ходить въ Академію, почерпать знанія и изучаться въ изящныхъ художествахъ; однако что же наконецъ раждаютъ сіи слѣпыя старанія? Хотя бы наполнялъ онъ судебное мѣсто своимъ воплемъ, хотя бы являлъ трусость свою въ полѣ, или бы показывалъ нелѣпость свою на каѳедрѣ, видимъ мы, что воспитывая его, не держались намѣреній природы, которая начертала въ немъ подлинникъ мясника, или подрядчика.

Колико кратъ видали мы Министровъ, противъ природы, достоинства и здраваго разсудка доставляющихъ глупымъ своимъ любимцамъ милость своихъ Государей. Всѣ друзья ихъ способны были ко всякаго рода чинамъ.

Но не взирая на строгость твою, признайся Муза, что въ наши времена истинное достоинство награждается. Разсмотри прилѣжно тѣ примѣры, кои наше столѣтіе о томъ доставляетъ; гдѣ зришь ты добродѣтель, лишенную мзды своей? Покажи намъ дарованія безъ должной имъ почести и безъ дѣйствія; или добродѣтели стенящія въ забвеніи и нищетѣ. Разсмотри сіи священныя каѳедры, ты усмотришь на оныхъ ученость, законъ и благочестіе; всякой просвѣщенной покровитель желаетъ *видѣть* образъ свой въ своихъ твореніяхъ, прежде нежели ихъ похвалитъ. О сколь сердца наши чисты и нравы непорочны!

Кто не содрогнется, сравнивая нынѣшніе нравы съ нравами того испорченнаго времени, въ которое возвышали лицемѣріе, съ тѣми временами въ кои первые государственныя чины цѣлая фамилія занимала; не взирали ни на гордость, ни на невѣжество лишь бы только былъ ближній сродникъ. Какое дѣло до его глупости, лишь бы онъ одобренъ и представленъ былъ

людьми разумными. Тогда то - такія слабыя головы, занимая первыя мѣста при Дворѣ и духовенствѣ, казались еще менѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ были; судя по ихъ поступкамъ, самое подлѣйшее рукомесло имъ гораздо болѣе приличествовало.

О будущіе защитники! разсмотрите, сей родъ Пигмѣевъ, превознесенной вашими предшественниками и увидьте, что его малость, открытая въ большемъ свѣтѣ, есть истинное невѣжество; они могли бы всякаго человѣка содержать соразмѣрно съ его состояніемъ, давать любимцамъ своимъ золото, а не разумъ.

Нѣкоторая сова, имѣя педантской видъ и важной голосъ, въ тщеславіи подражала человѣческому роду; смѣшная ея мудрость изображалась на лицѣ ея. Я не намѣренъ здѣсь осмѣхать ученую наружность, но видалъ тысячу безумцовъ, почитаемыхъ во время ихъ молчанія за весьма искусныхъ, но что еще болѣе, то ихъ и уважали. Сова сія, удалясь отъ мірскаго шума, которой она

 пре-

презирала столькожъ, сколько почитала себя, жила уединенно въ житницѣ; тамо, подобясь древнему Греческому мудрецу, укрывала она тѣ глупости, кои моглабъ обнажить свѣтская жизнь. Она читала въ писаніяхъ старинныхъ Философовъ, что юношество земли ихъ наставлено было во всѣхъ художествахъ, и пріобучено къ разнымъ упражненіямъ, сходственнымъ съ ихъ состояніемъ. Когда Ксенофонтъ, уступая множеству непріятелей, удалялся, спасая цѣлый народъ, то безсмертный Лавръ, которой онъ тогда получилъ, не принадлежалъ ему весь совершенно; Сократъ посѣялъ онаго сѣмена и ихъ собралъ. Тожъ самое послѣдовало и съ трудами Аристотеля, что ему Македонскій Герой долженъ былъ всѣми своими громкими побѣдами.

Сова наша, исполненна надменностію, почитала себя равною симъ двумъ великимъ мужамъ, и представляя новаго Сократа, публично преподавала она уроки любомудрія. Выученное наизусть изъ самыхъ извѣстныхъ мѣстъ догматическое вранье и нѣсколько нескладныхъ

ныхъ рѣчей показались простому народу весьма важными и глубокими, которой заключалъ, что вся наука состоитъ въ темныхъ выраженіяхъ.

Училище ея сдѣлалось весьма славно, отвсюду приводили въ него всякаго рода учениковъ.

Лебедь привелъ своего наслѣдника, единороднаго сына, едва обросшаго нѣжнымъ пушкомъ. Курица, хотя горячо любящая своихъ цыплятъ, хотя чувствующая великое огорченіе отъ ихъ отсутствія, согласилась туда же ихъ отдать. Паукъ, опредѣленный къ художествамъ, пришелъ въ сіе училище почерпать гораздо благороднѣйшія и вышшія познанія. Оселъ изучился тутъ опредѣлять тропы и метафоры, но всего болѣе прилѣжалъ онъ къ гармоніи.

Лѣта питомцовъ исполнились; должно было каждому изъ нихъ вступить въ службу. Попеченіе о избраніи имъ должностей совершенно оставлено было на волю ихъ учительницы.

Оружіе говорила она, охриплымъ голосомъ, должно прославить лебедя; и такъ пусть вступитъ онъ въ благородный подвигъ воина.

Природа назначила пѣтуху пріобрѣтать великія сокровищи, да сядетъ онъ на корабль и преодолѣваетъ морскія волны.

Царскія чертоги суть приличное жилище пауку; онъ тамо искусствомъ своимъ пріобрѣтетъ власть и щастіе.

Наконецъ оселъ въ музыкѣ уподобится Кореллію.

Каждой изъ *нихъ*, вступя по сему распредѣленію въ назначенное званіе, сдѣлался предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ. Раздраженный такою глупостію земледѣлъ выговаривалъ несмысленной учительницѣ сими словами:

Глупая птица! видя твоихъ учениковъ, можно почесть ихъ за твое рожденіе. Слѣпые родители такъ какъ и ты не разсуждаютъ ни о дарованіяхъ, ни о разумѣ своихъ дѣтей, въ самыхъ пеленахъ выбирая ихъ состояніе. Ежелибъ смотрѣла ты на учениковъ своихъ очами разума, тобъ свойства ихъ явили тебѣ тѣ чины, кои должны

были

были они занимать. Лебедю определила бѣ ты быть мореходцомъ. Пѣтуху воиномъ; а паукъ, прядя какъ его предки, совершенно успѣлъ бы въ семъ художествѣ. Что же касается до осленка, то сей бы болванъ во всѣхъ достоинствахъ не могъ лучше быть осла.

БАСНЬ XV.

Служанка, быкъ и пертелъ.

Къ бѣдному человѣку.

Примѣть сперва во всякомъ состояніи себѣ подобнаго, и скажи мнѣ потомъ, о несправедливый человѣкъ! со всѣмъ ли немилосерда къ тебѣ судьбина. Всѣ твои бѣдствія происходятъ отъ твоихъ неудовольствій и роптаній; Богъ всегда правосуденъ.

Я согласенъ, что голодъ скоро требуетъ укрощенія, и что работою своею можешь ты пріобрѣтать себѣ пищу; о чемъ же ты еще думаешь? нужды твои достойны сожалѣнія, но не всякъ ли изъ смертныхъ равнымъ

надобностямъ подверженъ? Всѣ мы раждаемся нищими и безпокровными; покажижъ мнѣ теперь человѣка, котораго ты счастливѣе себя почитаешь. Самъ Адамъ, назначенный къ вѣчному блаженству, не тревожился ли, что не имѣетъ себѣ подруги. Коварный змѣй, пользуясь слабостію Еввы, учинилъ ее преступницею. Онъ употребилъ тѣ же самыя коварства для искушенія Адама, и за сіе - то преслушаніе всѣ потомки ихъ осуждены къ наказанію. Великій Александръ, руководствуемый побѣдою, покорилъ весь себѣ міръ; зрѣлъ олтари, въ честь себѣ сооруженныя, но слезами своими изъявилъ, что онъ не болѣе, какъ смертной.

Надѣяніе сребролюбиваго ложно; честолюбивый человѣкъ, безпрестанно мучась, мнитъ, что онъ не столько получаетъ почестей, сколько кажется ихъ заслужилъ. О сколь безчисленное множество разныхъ заботъ имѣютъ вельможи! Честолюбіе всегда ненасытно.

Не ужель не слыхалъ никто богачей, жалующихся на дурноту головы и невареніе желудка? Примѣтя, что золото ихъ не ко всему пригодно, завидуютъ

ютѣ они крѣпости и здоровью своего крестьянина.

Иной встрѣчаетѣ нещастія житѣйскія вѣ объятіяхѣ прекрасной своей супруги: ужасѣ, ревности и домашнія ссоры проливаютѣ ядѣ на всѣ минуты его времени. Другой проситѣ о наслѣдникѣ; родѣ его вѣ немѣ пресѣкается: комужѣ достанутся, говоритѣ, онѣ сіи собранныя сѣ толикимѣ трудомѣ богатства? Чемужѣ теперь ты завидуешь? Зависть слѣпа; когда она кѣ тебѣ приближится, то скажи ей, что тысячи подобныхѣ тебѣ желаютѣ имѣть тѣ вещи, которыя ты имѣешь.

Должно, кричала служанка, необходимо должно, чтобѣ вѣ два часа ставила я на столѣ кушанье; куда дѣвалась эта проклятая собака? Естьли не сыщу я сей стервы, то жареное мое пригоритѣ, и я за то получу ругательство. Хорохорясь какѣ пѣтухѣ, выходитѣ она изѣ поварни, хватаетѣ палку, топочетѣ ногами, мерзкая собака прочь отѣ нее убѣгаетѣ. Она ее манитѣ, кличетѣ, приласкиваетѣ, но напрасно; досада ее умножается; она грозитѣ ей кулакомѣ и палкою, бѣжитѣ

за нею что есть мочи, но та, визжа отъ страха, прочь отъ нее удаляется.

Бывала ли когда нибудь, говорила она, столь бѣдная, какъ я собака? подъ какою злощастною планетою я родилась? не ужто контрактомъ обязалась я всю жизнь мою вертѣть колесо? какая несносная должность! во всемъ моемъ родѣ нѣтъ ни одного столь бѣднаго и низкаго, какъ я, невольника. Естьли бы судьба опредѣлила мнѣ упражненіе сего лѣгче, естьли бы родилась я отъ постѣльныхъ собачекъ, то жила бы благородно въ праздности и лѣности; будучи ласкаема и нѣжена, какъ тунеядецъ получалъ бы отъ большихъ госпожъ милости; или когдабъ происходила я отъ лягавыхъ собакъ, имѣлабъ доброе чутье, то по слѣдамъ моимъ ходя дворяне раздѣлялибъ со мною увеселеніе охоты, и чрезъ мою помощь сбиралибъ они для пированія пошлину съ долинъ и лѣсовъ. Имѣя природную пылкость и храбрость, кою я въ себѣ ощущаю, для чего не могу я называть льва отцомъ моимъ? Что я говорю? льва! онъ еще недостоинъ быть онымъ;

ночто же покорена я человѣку, я, которая должна быть его товарищемъ? кто поспоритъ со мною въ томъ преимуществѣ, кое я равно съ нимъ въ разумѣ имѣю? Однакожъ я его невольница, а онъ самовластный господинъ владычествуетъ надъ всѣми животными, и живетъ въ свѣтѣ для единственнаго своего удовольствія.

Быкъ, услыша сіи жалобы, упрекалъ сію безумную лѣнивицу сими словами: не ужто мыслишь ты, что судьба пристрастна? Ты, коей доля въ сравненіи съ моею весьма легка и спокойна; ибо я опредѣленъ бывъ съ самой юности къ работѣ, ужаснымъ ножемъ отторгаюсь наконецъ отъ пріятнаго сообщества. Подъ стократными ударами влачу я плугъ и раздираю упорную землю; потомъ медленными и усталыми шагами отвожу въ житницу жито, однакожъ сношу всѣ сіи тяжести безъ роптанія; но не всѣ еще тутъ мои бѣдства: подумай, что въ нѣкоторой день (а можетъ быть онъ уже и близокъ) будешь ты поворачивать вертелъ, на коемъ изжарятся члены

моего

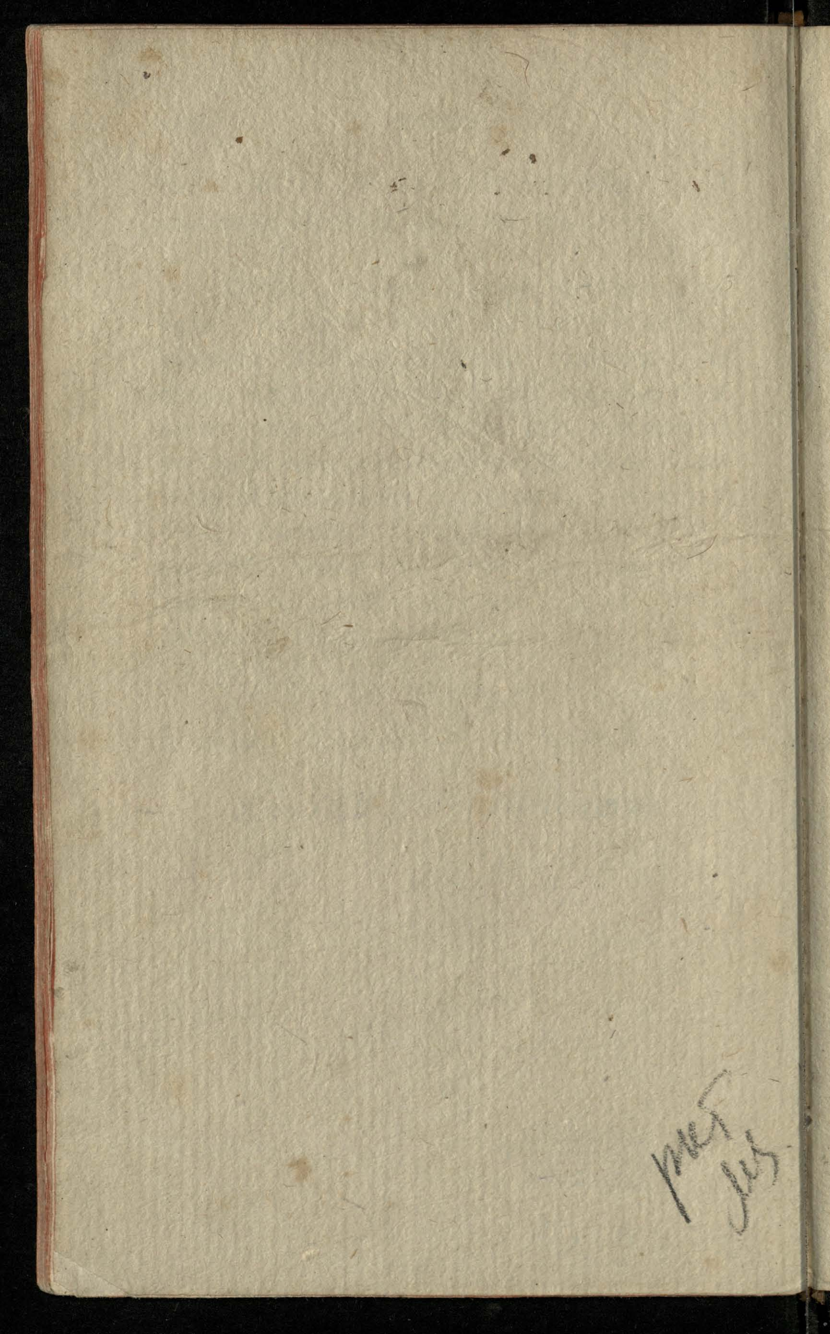
моего тѣла, и во мзду работы своей станешь глодать мои кости.

Собака, удивясь сему, отвѣтствовала: до сихъ поръ на все въ свѣтѣ глядѣда я завистливыми глазами. О сколь несправедливо судимъ мы, смотря на наружность! Я вижу, что всѣ твари имѣютъ свои труды и свои болѣзни. Это мощное животное жалуется, а можетъ быть человѣкъ гораздо болѣе его переноситъ. Зажмемъ, зажмемъ ротъ зависти, станемъ думать такъ какъ быкъ, и жить довольно.

Сказавъ сіе, вбѣжала она въ поварню и вошла съ радостію въ колесо.

Конецъ второй части.

Изъ библіотеки
Переяславской Семинаріи

